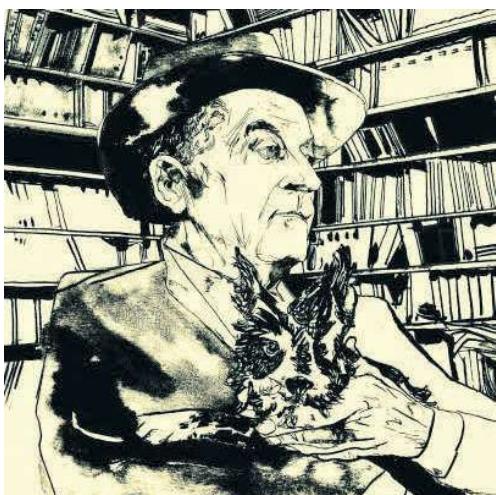

Философия языка Ш.Й. Агнона: от романтизма к неокантианству

Материалы к пленарной лекции Романа Кацмана

КРУГИ СПРАВЕДЛИВОСТИ¹

Главный герой

иностранец в Польше, один из тех, кто не знает языка, и кто не может общаться с местными жителями. Он живет в одиночестве, не имея друзей или родственников. Единственным его занятием является чтение книг и письма. Он живет в маленьком доме на окраине города, и его жизнь кажется ему скучной и бесполезной. Однажды он получает письмо от своего старого друга из Израиля, в котором тот просит его помочь ему вернуться в Израиль. Агнон решает помочь своему другу, и они вместе отправляются в Польшу. Там они находят работу в магазине, где продаются еврейские книги. Агнон становится продавцом, а его друг работает в библиотеке. Они живут в маленькой квартире, и их жизнь кажется им скучной и бесполезной. Однажды они находят письмо от своего друга из Израиля, в котором тот просит их помочь ему вернуться в Израиль. Агнон решает помочь своему другу, и они вместе отправляются в Польшу. Там они находят работу в магазине, где продаются еврейские книги. Агнон становится продавцом, а его друг работает в библиотеке. Они живут в маленькой квартире, и их жизнь кажется им скучной и бесполезной.

богатый и успешный бизнесмен, который живет в большом доме на окраине города. У него есть жена и дети. Он работает в сфере недвижимости и имеет много друзей и знакомых. Однажды он получает письмо от своего друга из Израиля, в котором тот просит его помочь ему вернуться в Израиль. Агнон решает помочь своему другу, и они вместе отправляются в Польшу. Там они находят работу в магазине, где продаются еврейские книги. Агнон становится продавцом, а его друг работает в библиотеке. Они живут в маленькой квартире, и их жизнь кажется им скучной и бесполезной.

иностранец в Польше, один из тех, кто не знает языка, и кто не может общаться с местными жителями. Он живет в одиночестве, не имея друзей или родственников. Единственным его занятием является чтение книг и письма. Он живет в маленьком доме на окраине города, и его жизнь кажется ему скучной и бесполезной. Однажды он получает письмо от своего старого друга из Израиля, в котором тот просит его помочь ему вернуться в Израиль. Агнон решает помочь своему другу, и они вместе отправляются в Польшу. Там они находят работу в магазине, где продаются еврейские книги. Агнон становится продавцом, а его друг работает в библиотеке. Они живут в маленькой квартире, и их жизнь кажется им скучной и бесполезной. Однажды они находят письмо от своего друга из Израиля, в котором тот просит их помочь ему вернуться в Израиль. Агнон решает помочь своему другу, и они вместе отправляются в Польшу. Там они находят работу в магазине, где продаются еврейские книги. Агнон становится продавцом, а его друг работает в библиотеке. Они живут в маленькой квартире, и их жизнь кажется им скучной и бесполезной.

иностранец в Польше, один из тех, кто не знает языка, и кто не может общаться с местными жителями. Он живет в одиночестве, не имея друзей или родственников. Единственным его занятием является чтение книг и письма. Он живет в маленьком доме на окраине города, и его жизнь кажется ему скучной и бесполезной. Однажды он получает письмо от своего старого друга из Израиля, в котором тот просит его помочь ему вернуться в Израиль. Агнон решает помочь своему другу, и они вместе отправляются в Польшу. Там они находят работу в магазине, где продаются еврейские книги. Агнон становится продавцом, а его друг работает в библиотеке. Они живут в маленькой квартире, и их жизнь кажется им скучной и бесполезной.

¹ Опубликовано: Иерусалимский журнал, № 52 (2015). С. 186-190.

לפניך במתה שנים חיותי מתלבט בגלות זוatta, מאכלים טובים לא אכלי ומלבושים נאים לא לבשתי וכדירה נאה לא ישתי וככל שנתי היו המזונות עלי בחומץ והייתי מקבל עלי גובל באהבה ובבלב שאולה לארץ הקודשה. ועכשו שהגיעה שעתו לעלות באו השובים ונפלו את ממוני וחבשו אותי בית האסורים. זכר היה ישב וbone עד שנחנמנם מתוך הבכיה. כשוגיע חזוות לילה נתעורר מלוי. בהדר בית האסורים אין מנוח ואין הקיות. התחל מטהה בששלאות ומשורר בקיל עצוב כמה שירים ותשבחות שהיה רגיל לשורר כלילה וכן היה משורר והולך עד שחזר ונחנמנם. נפתחה דלת של בית האסורים ונראה כמורה בן אדם וקופת של אבן בידיו ומין חיקס על שפתו. הסע הוקן עיביו מגנו וביקש להחנמנם. העמידו אותו האיש על רגליו ואמר לו, אתה כי ואני מביאך לכל מקום שאתה רוצה לילך. זקף הוקן שתי ידייו לפניו כליה וכך היה לנו איך אהזיק בר' יודי שלולות בששלאות של בדול' ז אמר אף על פי כן. פשם הוקן פיסות ידיו ולפת בזע צאדו של אותו האיש והוא אמר מוחיך ואומר. מיד אני מכיאך לא-ארץ ישראל. חיבק הוקן צוארו של אותו האיש בשहאות מכיוון פנוו כלפי ירושלים. טסו טיסת אהת ונפסק חיווכו של אותו האיש. טסו טיסה שנייה ונצטנו ידיו של הוקן. טסו טיסת שלישיית וחש שאינו מתקן אלא אבן קרה. גמס לבו בטלו, בטמו, בטמו, ממן נפל לארץ. לאחר נסיגו השובים ולא מצאווהו.

אתה הלילה נשמעו דפיקות בחדד "הכול" שבירושלים. יצאו וראו כת של מלאכים באת מן הגליה נושאים כדרמות בן אדם. גטלו וקבעו כאותו לילה, לפי שאין מלאינים מה בירושלים.

В одном польском городке жил старик, который делал уксус. Его отцы и деды были известными торговцами вином, но в теснине времен разорились и не оставили ему ничего, кроме плохонькой квартирки да прокисшего вина. Да и в квартире этой не знал он добра: когда сыновья были еще маленькими, умерла его жена, а когда выросли, их забрали в армию, и они погибли на войне. Старик остался один. Пять дней в неделю он делал уксус, а в канун субботы наполнял уксусом большой кувшин и обходил с ним весь город. Нередко он думал: «Кто я такой и что у меня за жизнь? День за днем я делаю уксус, а продав его, снова делаю уксус, чтобы снова его продать. И все это только для того, чтобы прокормить это бренное тело. Если бы были живы жена и дети, я бы заботился об их пропитании, но теперь, когда жена умерла и мое семя исчезло с лица земли, чего ради я так лезу из кожи вон?» Он плакал и вздыхал, и так горько стало ему влечить пустую череду своих лет, что работа потеряла, наконец, всякий смысл в его глазах. Даже цицит и тфилин не значили больше ничего. Только любовь к Земле Израиля теплилась еще в его сердце. И он решил отправиться туда и обрести там, если повезет, вечный приют. Он начал отказывать себе в еде и лишил себя тех немногих удовольствий, которые у него были. Он даже перестал пробовать фрукты, которые предназначались для уксуса, перебиваясь небольшим ломтиком хлеба, смоченным в слабом вине. По понедельникам и четвергам он постился и привык довольствоваться малым. В канун субботы, продав уксус, он усаживался на камне по дороге домой, вынимал из кармана монеты, половину оставлял себе, а другую опускал в один из тех ящиков, которые в этой стране устанавливали у изваяний «того человека» на перекрестках дорог. Он был так наивен, что не знал, для чего этот ящик предназначен; ему казалось, что нет места надежней этого. Медяки он оставлял себе на текущие нужды, а серебряные монеты откладывал на дорогу в Землю Израиля и всякий раз процарапывал метку на своем кувшине.

С этих пор трудился он с радостью. «Какое чудо, — говорил он себе, — прежде мне была противна моя работа, а теперь мне трудно оставить ее. Та же утварь и тот же уксус, а я не чувствую, как пролетает день». В полночь он вставал с постели, брал свой кувшин и плясал с ним, пока

не подходило время утренней молитвы. Молился он рассеянно и сбивчиво: его занимали подсчеты, сколько меток он нацарапал на кувшине и сколько денег скопилось у него в ящике. «Господи, – оправдывался он, – Тебе известно, что все мои подсчеты не имеют другой цели, кроме восхождения в Твою Святую Землю. Возвели же меня, а там уже я вознесу Тебе безупречную молитву».

Так прошло несколько лет. Стариk трудится с любовью, обходит город со своим уксусом и делит выручку пополам: одна половина – на пропитание, другая – на дорожные расходы; и снова делает уксус, и снова продает его в городе и распределяет доход: половину – на жизнь, другую половину – в тот заветный ящичек. Годы шли, но, как свойственно простым людям, стариk не оставил своего замысла. А между тем стены его дома обветшали и потрескались. Крыша прохудилась, и когда шел дождь, капли просачивались сквозь его одежду. Налоги и подати росли с каждым годом. Если он задержится здесь еще, то власти отберут у него дом или же этот дом станет его могилой. Лежит мастер уксуса на кровати и слушает, как от стен отваливается штукатурка, кусок за куском отрывается и почти неслышно падает, полная влаги. Но сердце старика звенит, как колокол, от радости, что Бог милосердый держит его душу в теле и не дает ему умереть за пределами Земли Израиля. Как пропоет петух, стариk омыает руки, протирает глаза, зажигает свечу, усаживается на пороге и, накрывшись талитом, как во время траура, оплакивает изгнание. Но вдруг, заметив свой кувшин и увидев, сколько на нем меток, он вспоминает о деньгах, отложенных на дорогу, и тогда берет в руки кувшин, и выступает на нем песнопения и славословия, и кладет руку на пояс, и поднимает плечо, и восклицает: «Сколько меток на кувшине? Две, три, сорок, пятьдесят, сто!..» – и начинает плясать от радости, да не так, как танцоры, подпрыгивающие выше головы, и не как те, что несутся в пляске из одного угла в другой, а скорее как те, что поводят одним плечом вокруг другого, и плечи водят вокруг них хоровод. И так он танцует, пока не раздастся голос служки, зовущей на молитву. Услыхав его, стариk смущается и тихо произносит: «Что ж, пойду на молитву». Устыдясь самого себя, того, что испытал он радость в этом мире, стариk берет талит и тфилин и выходит. До чего же изорван этот талит, весь прогнил он от слез. Слава Богу, он едет в Иерусалим: там ведь хоронят без талита. Окончив молитву, если нет поста, стариk макает ломтик хлеба в слабую бражку и касается языком земли, дабы не соблазниться искушениями мяса и вина. Затем он садится за работу. Пять дней в неделю делает уксус, а в канун субботы наполняет кувшин и ходит по городу. Вернувшись, он делит монеты: половина – на жизнь, половина – на дорогу. И когда никто не видит, он разрывает паутину, затянувшую за неделю щель ящика, установленного меж рук «того человека», и опускает в нее свои монеты. Наивен он и не знает, что это за ящик. Опустив же монеты, делает на кувшине новую метку.

Прошли годы. Тело старика изогнулось и стало похоже на шофар, издающий поминутно жалобные стоны. Уксус съел половину его легких, и он с трудом мог дышать. Большую часть времени он постится, и уже не на чем держаться одежде, но каждый субботний вечер прибавляется на кувшине по одной новой метке. Больше, однако, этот кувшин меток не вынесет, и стариk уже начал подумывать, что пришло время отправиться в Землю Израиля: «Когда я в последний раз опускал монеты в ящик, они уже выпирали из щели». Но пока кувшин цел, с ним трудно расстаться. И вот однажды треснул кувшин, и пролился уксус. Продавал ли он еще уксус, мне не известно. Но я слышал, что пошел он к иконе «того человека» и поднял камень, чтобы сломать ящик и взять свои монеты. Слышал я также, что как раз в это время подошли ксендзы, чтобы открыть ящик, и они увидели старика стоящим возле ящика с камнем в руке. Его схватили и бросили в темницу. Сидит он в темнице, а весь город бурлит, как адский котел. Одни говорят: «Ужасный век, скверны дела людей, и нет им веры!» Другие говорят: «Ремесленник под стать своему ремеслу; как вино, гнивая, становится уксусом, так и стариk этот в конце концов стал

злодеем». И все, потупившись, вздыхают о свершившемся святотатстве и причитают: «Эх ты, уксус, винный отпрыск».

А стариk сидел в темнице, закованный в железные цепи. Правда, кандалы не сжимали его тонких, как тростинки, рук. Когда Бог посыает человеку беду, Он подслащивает ее горечь, чтобы легче было пережить страдания. Стариk сидел и потряхивал цепями, когда из щелей стала выползать всякая мерзость. Из страха опуститься на пол он положил голову свою между коленями своими, как бы погружаясь в видение колесницы, пока не привели его в суд.

Судья сказал:

– Ты признаешься, что собирался взломать ящик?

– Я собирался открыть ящик, потому что деньги...

Но судья не дал ему закончить и закричал:

– Подсудимый признается, что хотел взломать ящик!

Стариk хотел было объяснить судье, что он не совершил никакого преступления, что в ящике были его деньги и что поэтому – неповинен человек, укравший у самого себя. Но, видно, так уж было угодно Богу, что чем больше он говорил правду, тем больше казалось, что он лжет. Судья вызывал свидетелей.

Вошли ксендзы, достали из-за пазухи свои святыни, поцеловали их и поклялись, что в такой-то день такого-то месяца, в такой-то час они подошли к такому-то ящику, чтобы открыть его, и застали там еврея, который держал в руке камень и намеревался этот ящик взломать.

Сказал им судья:

– Вы узнаете этого старика? Это он собирался взломать ящик?

– Да, – отвечали они, – мы свидетели этому.

Стариk ничего не понимал: как такие благообразные люди клянутся в том, в чем клятва не нужна вовсе?! Он тряхнул руками, и его цепи громко зазвенели.

– Ты хочешь сказать, – произнес судья, – что эти почтенные свидетели лгут?

Боже упаси, у него этого и в мыслях не было. Ведь он и вправду собирался открыть ящик. Зачем это судье понадобилось подбивать его на ложь? Нет, он не станет лгать; он только хочет, чтобы ему отдали его деньги. Его руки и ноги в кандалах, и все, что ни произносят его уста, идет ему же во вред, но все же есть у него еще глаза. Он поднял глаза и заглянул в лица судьи и свидетелей. Колдовство какое-то: все говорят правду, а правда не дает свершиться правосудию. Посматривая на свои кандалы, стариk одним глазком взглянул поверх головы судьи и вдруг увидел на стене икону «того человека». «Ты еще и улыбаешься мне!» – хотел было воскликнуть он, но только ударил кулаками по столу, да так, что звон цепей загремел по всему залу, и закричал:

– Отпустите меня и верните мне мои деньги!

Его избили и вернули в темницу.

Стариk сидел на соломе и плакал: «Боже всемогущий, Ты знаешь, сколько лет мыкался я в изгнании, хорошей еды не ел, красивой одежды не носил, в хорошей квартире не жил, и все мои годы были кислыми, как уксус. И все это я принимал с любовью, лишь бы попасть в Твою Святую Землю. И сейчас, когда уже пришло время, у меня отняли все и бросили в тюрьму». Так, плача, он и задремал.

В полночь он проснулся. Нет в темнице ни мезузы, ни кувшина. Стал он позвякивать цепями и затянул грустным голосом те песни и славословия, которые он привык петь по ночам. Он пел и пел, пока не задремал снова. Вдруг дверь отворилась, и показался силуэт человека. В руках он держал каменный ящик. Некое подобие улыбки озаряло его лицо. Стариk отвернулся и попытался снова уснуть. Но « тот человек» поставил его на ноги и сказал:

– Держись за меня, и я отнесу тебя, куда пожелаешь.

Стариk поднял свои руки и сказал:

— Как же я могу держаться за тебя, если мои руки закованы в железные цепи?
— А ты попробуй.

Старик протянул руки и обхватил его шею. А тот улыбается и говорит:

— Сейчас я отнесу тебя в Землю Израиля.

Старик обнял «того человека» за шею, и он повернулся лицом к Иерусалиму. Они полетели в первый раз. Вдруг исчезла улыбка с лица «того человека». Они полетели во второй раз — и у старика закоченели руки. Когда полетели они в третий раз, он почувствовал, что обнимает холодный камень. Его сердце затрепетало, руки ослабели, и он сорвался и упал на землю. Когда на следующий день тюремщики вошли в темницу, в ней никого не было.

В ту же ночь в иерусалимской ешиве раздался стук. Выйдя на улицу, все увидели, как сонм ангелов возвращается из изгнания и как будто несет человека. Его приняли и похоронили в ту же ночь, ибо не оставляют покойника без погребения до утра в Иерусалиме.

(Перевод Романа Кацмана)

Ш. Й. Агнон

ПЕСНЬ, ЧТО БЫЛА ВОСПЕТА^{1,2}

חזק לו כאילו כל עניין הפהנמה הוא דבר של חזוק.
הוסיף ואמר אומרים בשמו של הבעל שם טוב אמרו בוגרוא
אני תרי ברוחיו ובר. והרי לא היה שם אלא אחד, אלא הוא שחק
על הנולט העולם שחק עליון. אףvr קרוב שחקים עלי שאני
ישוב כאן ואני שחק עליהם שם יושבים שם
וכך היה יושב לפניו ופניו שמהים כדרכו בכל זאת. בין שעומד
בינו לבין קונו, בין שעומד בינו לבין עצמה, בין שעומד בשוק
בין הבריות, והוסיף וסיפר ולא הרוניש שאיני שומע כנדי
עמדה אשתי ושםעת ואם אני טועה אףvr ילדי עמדו עמי
ואיבני יודע אם שמעו או אם עמדו חתם.

לאחר שהלך לו אמרתי לעצמי אדם זה מאנסי קהה ברי לבב
הוא. שבקטנותי שקד הייתי על ספריהם, והרי זה כמה שנים
שאני דר עתם בעיד אחת וצדין לא נכנסתי בבית מדרש.
פעמים הרבה רציתי ליכנס אצלם, כדי לדאות את הריקוד
שנהוגנים לרוך בכל יום אחר התפללה.
הנבהתי עצמי מכסי וחתחלוי מטיל בחדור ובביס בכתלים
ובתקירה ובחולן ובחרק, כאילו חסר שם דבר. אם שניי מבית
ומצעץ הלכתי אצל ארון הבגדים והזאת בנדי שבת שלג.
שאלה אותו אשתי גולך אהזה אמרתי לה למaza אמרה בשיבת
שראייה שהזאת בנדי שבת שלג. אמרתי לה טמא תלכי
עמי.
כיוון שההסכמה ילך עמי שאלתי את ילדי אפשר אף את רוזרים
לילד עמי. ענו הילדים ואמרו נל. נסתכלתי בהם בחינה
יתירה וביקשתי לומר כלום יותר יתדים אתם להזין בבקש אבא
ללכת ולא אמרתי ולא כלום.
לא שאלתי את עצמי היאך הגיעו לבית תפילהם של אנשי
קהל ברי לבב והיאך אמצעא את הריך. והרי מימי לא הייתה
שם. ולשאול אروم עליהם ספק אם ידע. לפי שם שפליים
בעיניהם לטני הסקוט שפליטם הם בעני הבריות ואין אדם
ידעע את מקומו. הלכתי אחד לבן.
דרך היילכנו סיפורתי לאשתי ולילדי קצת דברים על אנשי קהל

השיר אשר הווער

האיש המחוק חור ובא. חיילו וזה על שפטיו והוויב את האבק
שבוקנו. חירך זה שלא פסק מפסיק לנו פנים בינוינו. אבל
תמיות שהיתה בו ליבכה את תנחותינו הרגישה את לבי.
הוא היה צדום ובגדיו מהחitem. כבגדיו העניים שאין בידם
לקח להם בגדיים חדשים. מכל מקום לא נראה בהם קרע ולא
גמצאו עליהם לא רבב ולא טלא. וכמין הוטריה יוצאת

מכפתיו. כדאס שהטינו עלו משאו ואיינו מקפיד.
תחלתו של אותו איש נך היה. בן שלושים שנה עלה לארץ
ישראל ולמר לסדר אוחיות והיה שמה לאכול מיניע כפוי
ולפרנס את אשתו ובני. אחר ימים קזה נפשו במלאתה
שרוב הדברים שנחננו לו לסדר לא היה רוחו נחה מלה.
שורכם דברי שחק או מהקר. ולעבד בbatis דפוס של ספרי
יראים בלאכתם מרובה וscrums מועט. עד לקצת לו קצת
ספרים מאותם שאין הפסד בקריאתם ומהוד עמתם בעיר. ספר
אחד, שאף רבני מוכיו לשבח. הביא לי הצעץ לי לknuthon.
עם שניי מבית בספר סייר כורכו. דבר תורה או ספרי
מעשיות. כדי לקרבני קצת למה שקרוב ללבו. ושכח מתוך
כף לתגיה את החבללה מדנו.

נסתלו את החבללה מידו והושבתו על הכתא ושאלתי אותו
היאך אדור חלש כמותו מטלל חבללה כבדה כל כף. חירך
ואמר קשים מונוטו של אדור.

אמרתי לו הרי קרוביך שכאמוריקה מבקש מנק לבוא אצלם
הם יפרנסוך בכבודה. חירך ואמר קרוב כי שורדים גדולים. אלא
שאין להם הרגשת ארץ ישראל. שפומים בלבד שאפשר לגאת
בארץ ישראל בשביב פרנסקה. הגאנק מווילנא היה אומר כל מה
שנתנו חכמים קצה לדבורייהם לעולם לא בטל. קשים מונוטו
של אדם כקריעת ים טוף. כך היה ביוםיהם זכרונם לברכיה וכך
יהא עד סוף כל הדורות. העשיר בעשרו והענוי בענוי. וכן

¹ © Роман Кацман. Перевод не опубликован.² Неточ.: Исаия 26:1

עם חשיכת אבל כבשתי מוחשבותי בלביו ונחטמי שלם
להארדר כלות
נשמע שתאותם כל לא קול, ככל שעז בטענה שפוקרת את
חברתו ופורה ממנה לעולמם, הנגהתי עיני וראייתו את האיש
שביברני היה עופר ופנוי כלפי העם. אותו הירוך שהיה נורא
בפנוי נערק ונחלש וככדי קمزיות מתחן חרדה והוא מדבר
לעצמיו ופלוט מופיע את המלים והטלים מקיפות את קולו
השייתי אוני ושמצתי

**אבל אָשֵׁד אַשְׁתָּה מִקְבֵּר
וְשֶׁמֶשׁ מְחֻפָּה עַל נְצָלִים.**

אני ידע אם החזרוים מוגווים דבריו או אולי הם תולדות
הניגינה,icus כען זה שיצא מן האש וועיטה צורות ברקיע וכבר
וה שהוא תוסטו של יישוב והחמה להמת שם ואין צל
לברית.
בקמץ שתי ידי והתחלו מתרתות. כאיל אחו באותה חרודת
ודמות שאף אשתי וילדי עשו כן. תלית עיני בגדידי לאות
אם כן הוא. נתעלמו שתאותם או אולי לא היו כלל עמי. עלת
היור מתח מרטף היה באור, כמו חלום שאורם רואת ובורר
שאר אחרים רואים אותו.

ברי לבב על בעודתם את השם ועל שפטות רוחם ועל ענות
יתירה שיש בהם. זו ענות שמכרעת את היופי ומעולה מן החן.
וכיוון שרائي שאותי וילדיו מקשיבים לדורי הוסיףתי וסיפרתי
לهم על אותו צדיק, שהוא יותר ממאה שנה שנסתלק מן העולם
וזודין אישו יוקדת, וקרוב הדבר שתאה יוקת והולכת ער
לבייאת הגאל.

ביה תפילהות של שני דודים ופתחו פתחו לרוחוב, שחומה
נמכה וחצתה ביןו לבני שאר הרחובות, וגידולי בר משגשימים
ועליהם מן החומה התקליה בחמתה, ושבורי כליל זוכחות מנאנציים
מהם וגנותים להם זיו, כיוו טלי בוקר בין חולות המדבר.
נדקה ייד מלאיה ונתקשרה ונתחברה לכפות המגע. אסורת
לי בלחשנה כאן.

כאן, ענחתה אשתי אהדי וכיסתה את שערה ותיקנה מצנחותיהם
של התינוקות.

כשני מנינים היו בבית התפללה. מהם זקנים מהם בחודים
מהם שכבר יצאו מתקופת הבחרות ולא הגיעו לקונת. אך על
פי כן דומים הם זה לזה. אם במלבושים השחוקים ואט
בכובעיהם הממעוכים ואט בשפלות הרוח ואט בעזבות שבוניהם
שהיא בלולה בשמהה. זו שמתה של עובי השם שקורבים
לדרך האמת. מהם עמדו ונתקבלו בספר ומהם סיילו מחדר
לחדר. כשיוקם מסתולס מלאיו וסיאותיהם מחליקות את
שנותן המחוקק לתוך אותיות המזבח וכוקל סלית ישנה

כשעה שכולעת את דעתותיה.
ככשתו אה נסימתי ורמזתי לאשתי ולילדי שיתנו אוניות
וישמעו. זקפו עיניהם והיבטו עד ספרישו עיניהם לעצמן
ונעשה רואניות. ממש בלי שם חיזוק של פנים.

אותה שעה נבר סימטו את הפליהם. ואם נהנים לעשות מחל
אחר התפילה צרכיהם היו להתפרק כאחד ולפרק. והם לא
עשו כן, אלא כל אחד ואחד עמד לעצמו לא נראה שם הכהן
לרייך. מעמידי אף אני בין עצמי בבערב תשעהباب

Он снова пришел, этот милый человек. Улыбка сияла на его губах и золотила запыленную бороду. Эта вечная улыбка придавала его лицу черты посредственности. Однако была в нем какая-то невинность, которая преображала его движения и волновала меня.

Он был сухощав и носил потертую одежду, как те нищие, которые не могут купить себе новой. При этом, на его одежде не видно было ни дыр, ни заплат. Его плечи были сгорблены, как у человека, который несет тяжкий груз и не знает об этом.

Его история началась так. Когда ему было тридцать лет, он приехал в Землю Израиля и выучился на наборщика. Он был рад своими руками зарабатывать свой хлеб и кормить жену и детей. Но вскоре его работа стала ему в тягость, ибо по большей части ему приходилось набирать юмористические брошюры или ученые трактаты; его душа не лежала ни к тому, ни к другому. В типографиях же, где печатают религиозные книги, работа велика, а плата мала. Тогда он взял кое-каких книг, из тех, что никогда не вредно перечесть, и стал разносить их по городу. Одну из них, ту, что и наш рабби хвалил, он принес мне и предложил купить.

Пока я разглядывал книгу, он начал, как обычно, рассказывать чудесные истории, толкуя Тору и стараясь привлечь меня к тому, что интересно ему. О связке книг в его руках он и вовсе позабыл.

Я взял у него книги, его самого усадил на стул и спросил, как он, такой слабый человек, может носить такую тяжелую ношу. Он улыбнулся и ответил:

— Труден хлеб человеческий.

— Ведь ваши родственники в Америке зовут вас к себе. Они помогли бы вам достойно зарабатывать свой хлеб.

— Мои родственники, — сказал он улыбнувшись, — большие богачи, но у них нет любви к Земле Израиля. Им кажется, что можно оставить Землю Израиля ради заработка. Виленский Гаон говорил: «Все, что обосновано мудрецами, незыблемо вовеки». Труден хлеб человеческий, как разведение вод Черного моря.¹ Так было в их времена, и так будет до конца дней: богатство для богатого, бедность для бедного.

И он рассмеялся, как будто трудности заработка — это ужасно смешная вещь.

— Говорят, — добавил он, — что Бааль Шем Тов как-то сказал: «В Талмуде сказано: Хани трей бадохей² и т. д., мол, вот идут два весельчака, радующие людей; а ведь был там только один, и он смеялся над миром, а мир смеялся над ним». Так и мои родственники смеются надо мной, что я живу здесь, а я смеюсь над ними, что они живут там.

Так сидел он передо мной, и его лицо было радостно, как и всегда — перед Создателем, наедине с собой или среди людей на базаре. Он и не заметил, что я его не слушаю. Моя жена, напротив, стояла и внимательно слушала. Если не ошибаюсь, там были и мои дети, но слушали они или просто стояли, я не знаю.

Когда он ушел, я подумал: «А ведь он из Общины чистых сердцем; над их книгами я корпел в детстве, и вот я живу с ними в одном городе уже много лет, и не бывал ни разу в их синагоге». Много раз я хотел побывать там, чтобы увидеть танец, который они танцуют каждый день после молитвы.

Я поднялся и стал расхаживать по комнате, всматриваясь в стены, в потолок, в окно и в то, что за ним, как будто там чего-то не достает. Не переставая высматривать да поглядывать, я подошел к шкафу и взял мою субботнюю одежду.

— Ты уходишь? — спросила меня жена.

— С чего ты взяла?

— Я вижу, ты взял субботнюю одежду.

— Может, пойдешь со мной?

Она согласилась, тогда я спросил детей:

— А вы хотите пойти со мной?

— Пойдем, — ответили они.

Я посмотрел на них как-то особенно нежно и хотел было сказать: «А вы знаете, куда папа хочет идти?», но промолчал и ничего не сказал.

Я даже не задумался о том, как я попаду в синагогу Общины чистых сердцем, как я найду дорогу, ведь я ни разу там не был. Поскольку низки они в своих глазах перед Богом, низки они и в глазах людей, а потому бесполезно расспрашивать о них прохожих. Итак, я решил идти, куда сердце подскажет.

По дороге, я рассказал жене и детям кое-что об Общине чистых сердцем, об их служении Господу, об их смирении и необыкновенной скромности, которая больше красоты, выше благообразия. И видя, что мои жена и дети слушают меня, я рассказал им о том праведнике, который более ста лет назад покинул этот мир, но огонь его пылает до сих пор, и, возможно, будет пылать до прихода Мессии.

Их синагога — это две комнатки с выходом прямо на улицу. Низкая стена отделяет ее от других улиц. Эта опаленная солнцем стена покрыта дикой порослью, в которой, как утренняя роса среди песков пустыни, поблескивают осколки бутылок.

Моя рука сама поднялась и легла на ручки замка,³ сливаясь с ними.

— Здесь, — прошептал я.

¹ Вавилонский Талмуд, тр. Псахим 118

² Вот два весельчака (арам.). Неточ.: Вавилонский Талмуд, тр. Таанит 22A

³ Песнь песней 5:5

— Здесь, — отозвалась жена. Она накрыла волосы и поправила шапочки детям.

В синагоге было около двух десятков человек — старики, юноши и те, что уже расстались с юностью, но еще не состарились. Все они были похожи друг на друга — то ли потертой одеждой, то ли мятными шляпами, то ли смиренностью или грустью пополам с радостью на их лицах. Такова радость тех, кто, служа Богу, стремится приблизиться к пути истины, но, на самом деле, уже идет по нему. Некоторые стояли и посматривали в книги, другие прохаживались из комнаты в комнату. Пейсы поглаживали их щеки, вились их бороды... И из пола и стен доносился то ли звук, то ли нет, что-то, похожее на звучание краски, которой гравер покрывает буквы надгробия, или на звук, который издает старый талес, когда глотает слезы.

Затаив дыхание, я дал знак жене и детям, чтобы они прислушались. Они стали всматриваться, да так, что их глаза выскоили из орбит.

К тому времени молитва уже закончилась, и теперь все должны были собраться и как один пуститься в пляс. Но этого не произошло. Каждый стоял сам по себе, и танцевать никто не собирался. И я тоже стоял один, как в сумерках вечером девятого Ава, стараясь сдержать свои мысли и ни о чем не думать.

Вдруг раздался то ли звук, то ли нет, нечто похожее на то, как звучит одно мгновение, когда оно встречается с другим и расстается с ним навеки. Я поднял глаза и увидел того человека, который был у меня сегодня, стоящего лицом к людям. Улыбка, сиявшая прежде на его лице, была оторвана и отброшена, ладони были скаты в кулаки от страха. Он говорит сам с собой, его голос объемлет его слова, и его слова объемлют его голос. И я услышал:

Пустыня — это дым вселенной

И солнцем скованная тень.

Я не знаю, сложились ли эти строфы из его речей, или они родились из мелодии, как рисующий образы в небе дым рождается из огня, или как из селения рождается пустыня, где печет солнце и ни для кого нет тени.

Мои руки скжались и задрожали, будто объятые тем же страхом. Похоже, то же случилось и с моими женой и детьми. Я поднял глаза, чтобы убедиться, так ли это, но они вдруг исчезли, а может, их и вовсе не было. Была только милая улыбка, парящая в воздухе, словно сон, который видится нам и, как нам кажется, всем остальным.

(Перевод Романа Кацмана)

Пока не придет Элиягу¹

также шога прок гндер כל אות ואות של שםו. гндерאות אלף פרוק ארבעה авבות וכגנד אוות בית פרוק במתה אשה יוצאה, וכגנד ריש פרוק ר' אליעזר דמליה, וכגנד אוות הא פרוק האשלה שלך בעלה וצרמה למריות הים, וכגנד אוות מפ פרוק מי שמו מוסל לפנוי. וכן הגנד אוותיהם שם אבוי של גונדר כל גנדי אוותיהם נשמה, כיוצא בוה לבני נספרת. שכן היה ישב ושונה בכל יומך וכן פרוקם לשי המתים שנטל עליהם שבד. אותו היום לא שנה אPsiול פרוק אחד אPsiול משנה אחת. כאילו כבר הנעה עת תחיתת המתים עמדו כל שעבי עדר מקבריהם והזים צוריכים לפרוק משניות לעידן נשמותם.

שב לו השם בינו לבן עצמו וشكل את מעשו. עשה וזרותם שנגנות ונגנות שביןם של עניהם תלויות למאות. שנה אחת הנעה פרשת כי תבואה ולא מצא כל שם ושם שאיתו מצא לו עני שטרצת ברצוי בסוף לעלות במקומו שפיניהם של עניהם תלויות למאות. שנה אחת הנעה פרשת כי תבואה ולא מצא כל שם ושם שאיתו מצא לו עני שטרצת ברצוי בסוף לעלות במקומו מעשה הוא שורה.

ב

נטחה הדלה ונכנס הלך אחד. כובעו מושפט היה ובגדיו טלאי על נבי טלאי ומגעלי תלמידים היו לו בורחו וccoli עני שבנענים שאין עט אלא עניהם. אילilo שידע המשם באבוי של התינוק שטח היה טבר שאינו אלא הוא. באמת לא הרה והחריז, שוה עגניתו החביבה עצמה בגבורי ואילו עגניתו צוחה מכל טלאי וטלאי, אלא המשם מתק שכללה אבוני קללה של האלמנה טבר בבעל המת, ומתוך שנוצר בנו רנהה לו שהוא זה.

ספה לו ההלך לשמש על כתפיו כדריך הדריקום, שמראים חיבתם ביריהם, שכן על ידי הטהה על הבכי או על ירי מעריך בכרכוס וכוציא. דרך כך אמר לה, מה זה היהודי אהובי שאתה מיצרי יהודים אנתנו ברוך השם ונאה להודי שvae שמח בכל עת ובכל שעיה שואה שודה והוא אהובה פנים חשבות אתה מורה. חס ושלום שכחת שודה אתה.

הבית המשם בוגם על ההלך וביקש לאח עברוט ולהזיאו מבית המדרש.

אמר לו לבני, מתן מתק, פעמים יכולת הישותה לבוא על ידי אדם שכוה. העביר המשם פנים של זעם והושיט את ימינו תנען לו שלום, בדרך שנងבים שלום לאורה. ולענן שאל מה זה שאותה לתה, רצין לידע על שוכרי את המשם של בית המדרש החדש שאמר שלוש פעמים בכל יום קדיש להחן מבן קמן שלדה לו. בתבונת האלמנה בלבנה. היי לו לאבוי של התינוק גשעותם על בנו ולכך אותן. לילה אחר בא החינוך אצל אמו בחלים ופנוי הוא עצובות. אמרה לו, מה לך בני, לא טוב לך אבל אבאי ענה הבן ואמר לה, טוב היה לי אילו היו אומרים כאן בעולם מה יהודית לעילו נשמי. צעקה האם בחרדה, בני, נשמי שליל, מה דברים אתה דובר, כי לא שכרי את המשם של כל יום פרוק משניות עם פרוש. את מסתה בראש ליעלי נשחק וילמד בכל יום פרוק מכרותיהם לשם כך, ותודה אמר טוב היה לי אילו אמרו מהלך יהודית לעילו נשמי. למחוד להכת אמו של התינוק וברקה אחר המשם. מצאו ישב לנו ספר משניות וראש מותח על הספר כשהו מנוגם. ולענן אמרת קדיש, שמעה שembr עצמו לכמה בעילו ארץיטם לומר קדיש. נמלא לבה כעס וקיללה אותו בכל הקלקות שבתוכה. היה המשם יודע שאין קללה אלמנה חרחת ריקם והיה מizer, שאם לא עימיד אחד במקומו הרי עלי לעלות לפרש התוכחה ומקרין לו כל הקלקות שבתוכה שבוקן קללה אותו האלמנה. משגענו יום חמיש בשבת וערין לא מצא איש עבי התחליל מתיאש עד שהתעלם מן ההשגה שכולה לטלק כל צרה בהרין ען.

ירדי שרדת לשומק הענן. הקיטו ההלך לשמש בעינוי ואמר לה, היהודי אהובי מה דברות אתה מספדי? וכייש לך אדם מושראל שהוא מizer על שמוים אותו לעלות למורה. אדרבא אתה שמא יקרה לך לעלות להורה שמה וזה לדקדקה. אתה היהודי אהובי מהדרא ייטו שואה שמאמון זהה. אל מלואוקן וסיאוירך מעדים עלייך שארם מסדים אתה היידי אומר ליבן אתה.

התחליל המשם תזהה, אני מדבר בפרש התוכחה והוא אומר זכות היא לעלה בה לתורה. משל למה הדבר דומה לבן כדור שליך ליתרנו לסתורה ובירך עלייך אשיך צור האדם בחכמה. וכבר נתחרט המשם על כל מלאה שבבו על ההלך. ואלמלא לבו הוטב שדריבר עלייך טובות כבר היה הופך פניו ממענו ומניזו. ולפי שדרברת שאמור לו לבו כן המשגה הם לפיכך כדי לוחוד עליהם. אך אמר ללבוג, אין לך אדם שאין לו שעיה אין לך דבר שאין לו מקום.

בן בית המדרש היישן ולבית המדרש החדש סמוך לפתח שכונת המרחוב תיבנה את קנסת עץ מונחת לה. כמותה לא ראיינו לא אבותינו. ידים משניות לא חזקה ממש. דורות מונחת לה התוכחה. גנבים לא נבוגה, ידים משניות לא חזקה ממש. של מי היא ומתי הניח אותה כראי הוא הדרב לספרו.

גנבי בת חסילה שבעירון כשהזיו שוכרים שם היז מוגנים עמו שבשבתות שקרון את התוכחה עלייה להמציא איש שעלה לפושת התוכחה. לא מצא יום שעלה לפושת התוכחה עילאה הוא לפושת התוכחה. אבל אמרו, מימה של ביטאטש לא עלה שם שמש משפש ביטאטש לפרש התוכחה, שכן לך כל שמה ושם שאיתו מצא לו עני שטרצת ברצוי בסוף לעלות במקומו שפיניהם של עניהם תלויות למאות. שנה אחת הנעה פרשת כי תבואה ולא מצא כל שמש המשם של עניהם תלויות למאות. שנה אחת הנעה פרשת התוכחה. כלום כולל הענינים מן העולמי מעשה הוא שורה.

משגיא רוב השבעת התחליל דואג, שמא יצטרך הוא לעלות לפושת התוכחה לא להנמם היה דואג, שכן אדם שעה תמד טוב ולא יחשא לעלם, העדר בעשרו והענבי בענינו. ומה עשירים שאינם בלבד על אחת כמה וכמה, כאוטו מעשה חסס, עניים שאיתם אלה עניהם בלבד על אחד כמה וכמה. שעה אחת היהת גנזה עוזה בשעלם והי לרדי הרכבים שאדרע את השם הללו. שעה אחת היהת גנזה עוזה בשעלם והי לרדי הרכבים חולים מן הצננה, נכמו רחמי עלייהם מטל מעצי בית המדרש והסתיק בהם את תנורו. שב פעם אחת היה מעשה, הגיעו לילי גבורה ולא מצא ליקח לו שם להדריך הדריך בשם של בית המדרש. עצם שמן שהקדישו ל תורה להחטלה השתחש בו הוא לצורך עצמו.

הקדוש ברוך הוא מאדריך אף ואינו נובה את שלו מיר. אבל לא כמורת הקדוש ברוך הוא מודה בשוד ודם. עגניתו אחת היהת גנזה עוזה בעלה ולא הגינה להחן מכון שלדה לו. בתבונת האלמנה בלבנה. היי לו לאבוי של התינוק גשעותם על בנו ולכך אותן. לילה אחר בא החינוך אצל אמו בחלים ופנוי הוא עצובות. אמרה לו, מה לך בני, לא טוב לך אבל אבאי ענה הבן ואמר לה, טוב היה האם בחרדה, בני, נשמי שליל, מה דברים אתה דובר, כי לא שכרי את המשם של בית המדרש החדש שאמר שלוש פעמים בכל יום קדיש לעילו נשחק וילמד בכל יום פרוק משניות עם פרוש. את מסתה בראש שבקה לא באך שך אחר לירחן מכרותיהם לשם כך, ותודה אמר טוב היה לי אילו אמרו מהלך יהודית לעילו נשמי. למחוד להכת אמו של התינוק וברקה אחר המשם. מצאו ישב לנו ספר משניות וראש מותח על הספר כשהו מנוגם. ולענן אמרת קדיש, שמעה שembr עצמו לכמה בעילו ארץיטם לומר קדיש. נמלא לבה כעס וקיללה אותו בכל הקלקות שבתוכה. היה המשם יודע שאין קללה אלמנה חרחת ריקם והיה מizer, שאם לא עימיד אחד במקומו הרי עלי לעלות לפרש התוכחה ומקרין לו כל הקלקות שבתוכה שבוקן קללה אותו האלמנה. משגענו יום חמיש בשבת וערין לא מצא איש עבי התחליל מתיאש עד שהתעלם מן ההשגה שכולה לטלק כל צרה בהרין ען.

ב

לאחר שיצא האחרון שבמכתפלים מבית המדרש פתח המשם ספר מנשתה. שהרבה אלמנות והרבה יתומות שכרכו לUILDER נשמות קרוביהם הנפטרים. מי שוהה בידו הויסף לו מעה כדי שילמד משניות עם פרוש, מי שלא היה בידו סמך על רחמיו של הקדוש ברוך הוא ששה ובה לנפטר בפרק משניות ואPsiול בלי פרוש. בין תורה לא היה המשם, כל שכן בעל משנה שזכrica בינה יתרה להבון סתותם מן המסורש, אלא כשרדים ישב כל שנותיו בבית המדרש ולשכת בטול כל הווים או אשר הרי הוא פותח ספר. ישב לו אדם לפניו הספר, האותיות שבספר צחות וועלות להן ומוניות עד לעצמי. ואם האלקיים בעהרו מזרך אתויה שמא יקרה לך לעלות להורה. קר המשה הו, מתוך שהה מזרך כל הימים בביית המדרש הרוגיל עצמו לישב לפניו ספר משניות, ללימוד משנה מוסגנו לנשמה, שכך אותיות משגה כאותיות נשמה. צירף לו עשרים וחמש פרקים כמגן אותיות אלה מזרך בית ומהם היז מזרך לו כך וכך פרקים שהה שנה בכל יום לפחותםיהם של המתים שבל עלייהם שכר, כגון שטע של הנפטר אברהם

¹ Опубликовано: Иерусалимский журнал, № 48 (2014). С. 155-167.

שהסביר עליו לקחותו לפרש התוכחה, לוסף שניים שלושה פסוקים קדום לפרש התוכחה פריך לו הארזה.

התחל לדבר עט ההלך כדי לקחת את לבו בברורים והחילה מסטר על הנכירות של בית המדרש, כמה עשרו של זה וכמה עשרו של זה וכמה תנע זה ונרגזיא לבתו וכמה מנק בובו והל הירט של מאה רבנים בשביבן בנו.

אמר ההלך, אללו לא טאניב להילך יהיטני מנק אווי ככברה כרי לשפט רבריט. אמר המשמע, لأن אתה מבקש לילך? אמר לו, לפוריובילוק. מהה אמר לה, בנגולד לייהדי פסוריובילוק. – ואם נגולד בן מהוי אמר לו, רוזה אמר לבודא להבנתה הבן לברית. אמר לו, אם אין שורף אתה מבקש אתה מנגז בעיטה נקון מלא, אם דבר של מונות אתה מבקש, טובים רקיי ביטשאשס מלבי מני מאפה שבבעלם. רבי זכירה בנו של רבי לייבש ראש מדינה בן ערד תהא מהנהמת, פעם אותה נסע אצל חמי לפידאייז. כשוחר ממש שאלה אותו אמר הבגדה מה האכלה אוטך המונקי? אמר לו, כל הדמים לא פסקו כל מני מעדרנים משולחני, אלא כל זה איינו שווה לי כירקן אחדר השמשת. שלנו. יוזגת אתה ירידרי אורה השמשת מי היא? אמר רבתה של היא. ואמא של' עליה השלום קיבלה ממנה ואשת קיבלה ממנה. בא לא לביטוי נגבורך שחכל ומוונות. אמר ההלך, חביבים פעל דבריך מכל מעדרי עולם, אלא בהל איני כדי שאגען לפוריובילוק קודם חזיכה ואשמע איה התינוקות קריין קראת שמע בפני היולדת. צחק המשם אמר, מצאה מצע, קראת שמע של תינוקות בכפר. אם אתה מבקש לשמע תינוקות קריין קראת שמע המתן עז שבסוטה תינוקות לבית המדרש להפילה עדבית, ולא קראיית שמע בלבד אתה שומע אלא אף קדריש יתום. בענין הרור רבים מתחם גההם צערדים ומיניהם אחריהם יתומים קסרים. על שם מה אתה מתאגתו על יהודים שמתים על זה באמת רואד להאמנתן, אלא שאמה רואה מה שאנן אהיה ציריך לכתת רוגליך לכפרים לשם מליה יהודית. אל אהטא בשפתוי, ישבבי כפרים, כאלים וסרים, חזיכים שוטט ובורים, וציצים גורדים גורדים. אם נגולד בן בכפר מה? אליהם לא זדמן לך שם. חירך ההלך ושתק.

חזר המשם אמר, אף מנעליך שתליים לך על דרכך מבאים אווי לידי ספק אם ילכו עד לכפר. סול את התיבה ובוא עמי. למה לך להגניה בחוץ אם אתה יכול להגניה בבתי. חס ושלום שיש כאן נגבים, אלא ידים ממשנויות הנה, ורואים חוץ ייד ממשם. אם כבדה היא עזוב אפוך עמק. צחוק ההלך אמר, קלה היא בכוסתו של עני בתקופת שבת. אם ימשמשו ימששו.

פשפט המשם בגבנדו והוציא פורטה מכיסו ואמר לו להילך, הא לך. אמר לו מה זה? אמר לו, מועטו. אמר לו, מועתו ומה לי אמר לו, אם תבקש לייחך כו"ש או פרי יהוא לך ממה לשלם. אמר לו, שראל חמבעם, אם ארצב אמצע יהדי שאכבלני בלא כתף חם אמצע אמצע מעין או באード וחושנה. אמר לו, אם ש לך פורטה ביד, לא תumed לעדר. אמר לו, אם כך אצטרך לאחוח את הפורטה ביד, אם כך אצטרך לילך ביד קמוצה. אם כך יחשدني שמא מלה ברביה אני, אם כך נודם אני רעה לעצמי טבאים על ידי להחוור ביהוו.

ראה המשם שאין לו תועלתו מן הדברים. תלה בטחונו בהקדשות בריך הוא, כשם ששיגר לו את ההלך תיזם בר' יהוירט לו בשבט, מכל מקום הקדים המשם את ההשנהה ושאל את ההלך אימתי הוא חזר. אמר לו, אם ירצה השם לשבת.

ראה המשם שאין בלבתו רימה. אבל נתירא שמא יתגלל בבית מדרש אחר הימנה בעליה שם לפרש התוכחה. טובים היה הימים הראשונים שהיתה כל העיר מתחוללת בכיכת תפילה אחד, עכשו שיש כאן חנסה בית נסחوت של לחוש טמא יציאו את ההלך מידו. באמת ששה בת תפילה היו באותו פרק בכיסאשאסל, אלא שהשש של חסידים היה ולא היה נחשב בגין יהאל יונה השם לבית תפילה.

עסזה מצטער על הימים הראשונים שהלכו להם הילך לווה לברית מיליה.

ה

הבצ ערב שבת ולא חוד ההלך. הגינה חזיכה של ערבע שבת ולא חור. התחל השפט מיצדר, אבל ליריד יאש לא בא. אמר היה המשם, אם לא בא לא לתפליה יבאו אחר התפללה, שהרי שמע מנגני שטפללי בית המדרש שיש בהם נגידים ודרכו של עני שמתאותו לשלוחם של נגידים. טירמו תפילה ערבית וכאו עניים אכיותם אצל השם לבקש מנטו שולחן של בעל בית ואילו ההלך לא היה בוגיהם.

ראה המשם היה מיצדר, אבל ליריד יאש גמוד לא בא. אמר יהאל יונה, מחר בוא, מחר יבא. מימיו לא היה לו געגעטס על ארם כבאותו הלילה ומיינו לא נתרעם על אדם כבאותו לילה. כל הלילה היה מרין עמי, הין מזא

אמר לו השם להילך תורה הרבה לא למדת, לאו כל אדם זוכה. משום לכך אין אתה מבחן בין פרשת התוכחה לשאר פשרות שבתורה. הביט עליו הילך בענין שיחקתו ואמר לו, מה אתה סבור עלי יהודי אהובי, שויקן אני מדברי תורה. מיד אני קורא לפניך את שתי התוכחות של בחוקתי ושל כי תבאו ואתה רואה שאיני עם הארץ גמור.

בעוד בו השימוש בנימפה וצעק, סתום פיך ושותק. אמר לו הילך, יהודי אהובי אמרת יתיש על אונци שאותה מכפה אתן. אני מבקש לקרות לפניך דברי אלקים חיים ואתה יהודי אהובי אל תקופת עלי. אלמלא שאסוד לחשוד יהודי הירתי קורא עליין מסדר אונדי משומות תורה. כל התורה יכולה טוביה וברכה וחווים אתה מיצד אתה שמא יקדוק לעלות לפרש התוכחה. אדרבא שמחה היא לך שתעמדו סמוך אצל הקורא ותשמע כל מהلة שהוא קורא ביהווה. אלמלא שאנו עמודים במקום קדש הירתי אומר מתלוצץ אתה כי, שאתה אומר שמתירא אתה שמא יקרוא אונך לפרש התוכחה שאמרה הקורש בריך הוא מתק גורטו של משה.

הרהור השם בלבבו, הילך זה פיקח אתן, אבל בעל מג טוב הוא, אם אני מבקש מני יתכן שעלהה במקומי. חבל עלי השצערת. מעתה לך לך להצער אלא על השצערת היוחילה. מכל מקום קצת קשה, בקי בשער התוכחות ואין ידוע מה טבן.

ו

התחל מתהמם עם הילך. אמר לו, ישנה אמרת יידי, כל פרשיותה של התורה יכול קדושות ואין חילוק בין פרשה, אלא שלא כל העסומים שדים. יש אדם שאחוב לעלות שלישי, משום שאבדותם אבינו בן ערד נהוג לעלות שלישי, שאחנן שהוא כתן עולה וראש ומשה שהוא לר עולה שני. ויש אדם שאחוב לעלות למפסיד, מי שבבל ברכות הפסטרה ומפני כדי להראות את קROL. ויש מני בני אדם מאותם שקדורים לעצם חסידים שמתהווים לעלות שדי. מעתה אל תחמה עלי יידי שאדם שכמותי בחור להעמדת אחור במקומי לפרש התוכחה. אבל אמר לי יידי, לנו ברכות התורה מה מכך אני בני אדם שטופטים גנות בחילוקים ביטוליטים וכשכאמים לברך על התורה מבלייעטם הם חצי הרכבה ומונגניטם חצי הרכבה, מפני שאינם יהודים לברך. צדבאו מרבנן עצם הארץ מדאוריתא. לא לפגוע בכבודך אני מתקח, שאלה שאלתי, שאלה יתרה, אינה עבירה. אמר לו יידי, יודע אתה כיצד מברך על התורה

הקיים הילך בענין ואמר לו, וכי יש יהודי שאינו יודע לברך על התורה ומה עלי אכילה ושתייה שאין לאו חד שעה ארטם יודע לברך. על אהות כמה וכמה על התורה שהיא חייט ואורך ימינו. אם אתה רצהה הריני אמר לפניך את ברכות התורה. אמר המשם, לאמר סתום לא כדאי. שבחן שמות קדושים שאן להחיזין לבטלה. מכל מקום רואה אני שידע עתה לך לבך. בעונתינו שרבו רבו עמי הארץ אינן יודעים לברך ברכה אחת ההלכתה. ומעשה בחתן בשבעת ימי המשחה שעלה להורה ואילולא אני שדקתי על השולחן כשם מהסנה את הצבוד שטסחין בקריאת התורה היי שומעים שאינו ירע לבך.

נתאנך הילך אמר, ודיין בן עניומי עני, להאי ואני אתה היה לנו בשבותה ר' מיט טבום מה שהוא ולול וסובא בשבי חמיש. ששיאנו לומד תורה מתק עטי ר' שאינו לומד מתק עשר. אותו החתן מבני העשורים היה, ואלמלא אני שהצלחי את החתן מלעב הבריות לא הי יכולם להדרים ראש. ומה שכר נתנו לי, מטבחות שחוקות של נחות.

עם השהש מדבר עט הילך, דיבר לבו של השם עם השם. אמר לו, לא לספר סייפור מפעזרת צרכיים, לשוחת מפעזרת צרכיים. הבניה ידו על ורעו של הילך דרך חיבת ואמר לו, עכשי יידי נלק לביטוי ואכלל סח שחרית. לבי אמר לו שנמצא צבן ובצל וקשות ואולי אף מעס הלב חמוץ. חלב חמוץ ללוב, ככבהה לזאב, או נאמר פשוט, חלב חמוץ שקד לב, כל שוטו לא ידע אכט.

אמר הילך, לא צידיך. אמר המשם, מה לא צידיך? לאכלל לא צידיך? חידוש אגדות אתה משמעני. אמר לו, לא כדאי. אמר לו, מה לא כראין לא כדאי לאכולו מה הפסוק אומר, גער הירתי נט וקוני ולא ראיתי צידיך שאינו מבקש לאכל. אמר לו, בזמנ שפטו של ארם צביה בסלן להסודיה אחים מהה משמע היבח יש לך, משמע לא בדים ריקות באט לך אלי, אלא היכן כאן תיבח אין כאן שם תיבח. אמר לו, בעורה הנחתה. אמר המשם נגזרמה, מה לא לפלטל עט, דילך שהמציאו לך איש עט לפרש התוכחה. אלא הילאי שלא יקרה אותך מה שקרה לאוותו השם, שבעה ימים פיטם לו עני בטור ביגן,

אם לא הפטקיי להומין אותו לסייעתו היומן, אומין אותו לסייעתה שלישית. החיל מותחם בסעדיה שלישית לא נתגשם, שאינה דומה סעדיה שלישית לסעדיה היומן, שיש בה קידוש על הירן ונכנים לسعدיה רעבים רשותה כמה מאכלים טובים מלבד הפטקיי שהמשל אומר לפי האורח כך הפטקיי, מה שכן כן בסעדיה שלישית שאוכלים אותה על השובע ואין אוכלים אלא כדי לנצח חותם סעדיה וזה אוכלים אלא לשם פרוסת המזיא וברכבת המזיא.

ישב לו ייאל יינה והיה משתומם. הילך עב שכן עמו אלא עניינו והרי הלב יצא לדאותו. ואפייל ורדכם של בני אדם שיש להם לפורים גנוגים וה עלי, עדין אין יוניו יוניעים על מה הגנוגים באים. אם מחתם אותו אדם, ומה לא היז לנו גנוגים עליי קודם? אלא שמי אומר שתה והוא עצשי מחר שהכרתונה, משמע שכן הדבר תלר בו אלא כי שכרכתי, אם כן מה רום לי שכרכתי עכשי ולא קדמי בכך לך לא בראי לבטל ומן במחשבות בשעה שמאכלים של שבת מגיחים לפניך.

עדין ייאל יינה את מחשבותיו מלבו ושב לسعدיה היומן שיש בה חלות הפטקיי ומאכלים ערבים. ולא היה ייאל יינה כבוד טבה כלמד אשוט ועל יון שדרקי ומאכלים שבניה לא אמר שברוח של המאכל. אבל היה מוסיף ואומר, כל מאכל ומאל שבחיה לו אמר שברוח של המאכל. אמרה ברכבה גיטל, אם כך אילו פעד עמנו האורח היומי אומר טוב מאד. אמרה ברכבה גיטל, אם כך נזהה לו לאורח מכל מאכל טוב וסעד עמך בסעדיה שלישית. אמר ייאל יינה, עצמן טובה היא אבל תמה אני שלא עלהה על לביו תחילה. באמת אף אני חשבתי כן, אלא צצערי הפטק את דעתך. בכן אומין אותו לسعدיה שלישית. גדרלים מפשי השם שנותן לאדם בכל עת ובכל שעה לתקן את מעשיו. עכשנ' גומר זמירות ומוה שללא עשיטו בסעדיה ובעשה בטעריה שלישית.

סידמו את סעדיה היומן ובירך ייאל יינה אחר מזות רשבה ברכה ניטל ונסתכלת בכל מלה ומלה שהוא מזיא מפיו ושבה וננה אמן אחר כל ברכיה וכברכה. אחר ברכת המזון עמד ייאל יינה מן השולחן ובניה את עצמן על מטהו כדי לענגן את השבת בשינה של אלור הצהרים. גותבי טינטום אמרו, שבת ראש תיבות שניה בשנת העונות ובאמת כך הוא, שבימות החול أيام שוכב על מיטהו והשביבו עליי את הומן. אמר השם, מה שכן בן שבת שחיבר מגעין שבת היא שטיקים מתחן כך.

שכוב לו ייאל יינה על מטהו העבוי בשינה את העבוי בשינה סטור על שלוחת ואוכל שוחנה ונגהנה, שאינו דומה פני המארח עב לעשר המארח עגנו, שעד שואול כל ימי על השובע על ברכיו ממעט באכילת והרי הוא טבר ומה אני שאגי עשר ושלוחני מלא מספק אני במעט, וה השוער עב על אהת כמה וכמה שצורך למעט באכילה. מה סומו של עני אצל פשר, לפה ייזא רעב. אבל עני יידעת נפש עני, שכלי ימי רעב וכשענו מארח עני משתדל עט להשביע שטיקים מתחן כך את מצות מנוחת השבת.

את גנש בעילך דבר טב שמחייב את הנג' וממליא אף הנגש נהנית עמו. שכוב לו ייאל יינה על מטהו ודינה בגנש כאילו הילך ישב וסעוד אצלו על שולחן מלא מכל מה שחכינה ברכבה ניטל. שה יימת בשבעת קערתו של המשמש ריקת, בשבת לעולם והיא מלאות, פעמים בחחד של הקודש ברוך הוא שמצויא לידי מפה ופעמים מהכמתה של ברכבה ניטל שלוקחת קופה נסדרת. יהו רוחב אהובך בך אני וכחון פולה דאסת.

ההילך המשמש עברה גדר שהחיו עוני ניצוצות של ועם שאילו של אש זו היה לה הסדר עט מלך יהודי אהובי ואל תשבי לך את שבתך. כל רשותו היה של התורה כולם אהובות, כולל חביבות, כולל סוכות וברכות. יהודוי הנכרי אהובי עלה את הדריה, אל חתן תורה להטעכ עלייך. כבר ועם עלייך הנכרי שמכוב אתה את הקדריה. נתק בו ייאל יינה עזים שאלל של אם זה מיד והה נסדרת. לפרש את הברכה עלה.

יבכו הילך בעיניו וקיטו בחיבת האבות. הקופה האבთו את לבו תכנה בלבו. צא עטנו ונכנסה בו אהבה וכחין שנכנסה בו אהבה נכנסה בו שמחה.

חוור אצל הסטר אווז בשמחה את עצי החיים ובירך בשמחה על התורה כאילו שמחה. מכח שמחתו מתמלא כל בית המדרש שמחה ומתח שמחת בית המדרש הוכפלה שמחה של ייאל יינה. זה כתה של שמחת אמת, שמחה ומשמחת, שמחה ומשמחת.

ו

אחר התפללה הילך ייאל יינה אצל ספסל העניים כדי לקרוא להילך לسعدית לקלק לו ייאל יינה שפתוי כשהוא מרוש שפתוי יתים יתים. ואלמלא לא הרים ולא מצאו. הבן ייאל יינה מרשות שכבך קרמן אחר, שיש בעלי בתים נבגר לקליל יונם שהן חיבת הלה על חילבו יתכן שאף תבשיל של ניריסים שחושש שמא ישבו בסעדיה בלי אורה מודרים הם ובאים אצל העניים והואווים בעז ואומריהם לעמי אהה טעד.

דאה ייאל יינה שאן בידיו לשנות. אמר לעצמו בלשוט של הילך, אל תשבי לך שבת שבת שבחה ובריך על הלחם והחיל מטב זמירות. נוכר בולך שקל נאה. בסעודה ובירך על הלחם והחיל מטב זמירות. וכחן שוכר בו התחליל אמר ייאל יינה אילו היה כאן הימן נינן חדש. וכחן שוכר בו התחליל מדבר בו. אמר ייאל יינה לאשתו, בא לו אורח פורה ומחליף את נסמי. יכורה את ברכבה ניטל כל הטרכות טרכות בכל שנה לזמן לעלה לפרש התוחכח, עכש מנצח עז עיל כל השנים שהיית מי מצטער על שלא עלי עני לפרש התוחכח. מרבה שנים מרבה דעת. ועדין יש נערות טברדים על עצם שחכמים הם מבאותיהם. לא חכמים הם אלא שוטים. ולען ואורת.

עמדו להם זה בגדי, וה האג'ל מיבתו זה משתחה לו מחוירש לדעת מה יעשה. בסוף לא היה יכול להאמיך והכן עצמו לדבר עמו, עם שהוא מכין עצמו לדבר פתח ההלך את התיבה והזינא שם חפק אדר ותחבו בגדי בגדי לכט סגור את התיבה והביס עליון כעיצים יפות ההלך לו.

געפּר יהא יונַה קאש אָשׁ יְעֹד מִתְלָמָוּ. העבר ייזה על עיבז והביט אחד ההלך. ביט לבינו ההלך לו ההלך. ואף יהא זינה עקר עצמו ממקומו והלך אחריו.

בא לא אג'ל ההלך וגדר לו סמוך לו. הטה ההלך בראש והקיפו בעיניו אמר, יהודיה אהובי מבקש אתה לומר לי דבר? אמרו יהודי אהובי אמרו. ביש יהא זינה לומר דבר בסותם פז ולא אמר כלום.

חויב יהא יונַה בלבו, אם עכשו לא אדבר עמוילך לוואם יילך לו כל היגיינות שגעה לתהן הוא. אבל מה עשה ואיך כי כה להוציאו מפה. חלה עידן

למפלגה היה מחרור אם לא יישובי השם שאו כל יוצאי.

דראה הקדוש ברוך הוא בעצמו ורחם עליו. החoir לו את כה הדבר, כמו שכחוב מ שם טה לאלים. אמר לו יהא יונַה להלך, תגחת את חיבתך. נבעך לו ההלך בימינו אמר לו, תהא מגחתה לה. חור ושאל המשם ערד מה? והקיפו ההלך בעינו וחיריך אמר לו, פד שבאו אליו. נפקחו עני של יהא יונַה וצעק הלא אמת וה אלהו. חירך ההלך וטרוח לו.

בא וראה כחה של בטהאטש. זכה שמש בית המדרש לראות בהקץ מה צדיקות גודלים מבקשים לראות בחולות הארץ כל אחד ואחד זוכה לראות. שמא שמש של בית המדרש הישן והיה, שכוכת התודה שמדריכים בבית המדרש הישן וכלה. לא כי אלא שמש בית המדרש החדש הזה, שקהל המתפללים בו רובם בכולם בעיל בתים זו שפעקיהם מדורבים מתרומות. אבל משאם ומוגן באחותה הד.

סן גאנט לסוף סייר המעשה שתחלתו נועוצה בטוטג, היינו מדוא בעל החיבה שמנוחת לה בעורת בית המדרש. ואם אתה שאל מה צורך להלך שכוה בתיבה, ואם יש לך צורך בה למלה תניח אותה לעל שאלת שכבוי יירץ לט אלא להשבה תיק. כמו שדורשן אוו נטיריקן דאס ייבוח ושבוי יירץ קשות ובעיות. ומה הוא החפק שהוציא ההלך מן התיבה? המאמן יאמין, שדור החזיא שקורות שוגליה מיטה זדקט יעללה אליה להר הרים ויתקע בשופר, מיד נסמע קולו מסוף העולם תעדר סופו, מידכתי תבל ונעד החיהות אורץ, שומעים כל ישראל בכל מקומותיהם מיר כל הנויות מתכנסות ובאות עולמים לירושלים במחירה בימינו אמן.

בא לו השמש לבית המדרש ושב לו במקומו שאג'ל התרנער ושב ואמר לו פרק מפרק אבות. אדם קרוב אג'ל עזמו לכך בקש למלאות תחילת את חותת היום באמירת פרק, אבל קיבל עליון שאמ' שפט לו חומן שנעה פרק או עליון פרקים לעילו נשמות הנפטרים שקיבלו עליונות שכט. מזמן שארע מעשה התפקיד יהודיע לאמד שאן מה' יהודית נשמהת בעולם הזה לעילו נשמות, מאותו היום היה יהא יונַה מטהדר של שלא יעבור עליון יומ' בלי למד משניות.

בק שב לו יהא זינה אמר פרק. אמרוון בן השפה ולוחץ היהת יותר מהה שבביסטרו הביש בדלאט, שם יבוא ההלך. אבל ההלך לא בא. אמר יהא זינה לאצטמאן אל השכית לך את שבתק יהוד' אהובך, מל'ם שאמר ההלך בפניט שוחקת ובקל שמחה אמר יהא יונַה בפניט עגנותם ובשפה רטה.

מה באיך ומה נשכית את וותנו. וביעז ווק מגהה לאא אא ההלך, לא לקרויאת התורה ולא להפללה. חור יהא זינה על אותן הדברים שאמר לו ההלך, אלא כשצאו מפי ההלך בשמה ייאו וכשצאו מפי יהא זינה בשפה דסבה אמרו. אף על פי כן לא נמייש. אמר יהא זינה אם לא בא לחטילת מנתה יברא לחטילת פרוכת אם לא שעד אג'ל בטענה שלישית טענד אג'ל בסעודת מלאה מלכה. מה נתן כה ליהא זינה שלא יתיאש אם לא לא המאכלים הטובים שחוניה לו לשועות מלכה מלכה אבוי יידע מה.

כשמלו של אדם ברוח, אפייל אוורה פורה בוווח. כבר יצאאה שבת וכבר החטילל ערבית של חול ופדרין לא בא ההלך. היק החטילל ערביתו במקם שהחטילל מגחה שם התטלל ערבית. ביטשאש איבנה אסורה בת הפלילה. לשעבר נחנכה כל ביטשאש לבת תפילה אחד, עצצי ש בה חמישה בת הפלילה אם אתה מגהה אף את חדר תפילהם של החדרים הר' ישעה.

ההלך לו יהא זינה לביטו יהוד' بلا ההלך והבריל על הכותם ואמר מירות למוצאי שבת. בעל געמה לא היה יהא זינה מגהה אבל קול וה שאמר בו אה הזמידות יפה לKNOWNות ולא לומיירות. ואיפלו כשהחדר את אליהו שכט יברא מולרים אותו מחק שמחה מוחך ובנעימים מהן תקה מובה שבמלה יברא עם משה בן דוד לא נשמע שטן שינרי בקהלו, מבני דאבן לבועל ההלך שלא חז. לא נטאככ עכל כל האגהה אונגהה שנתאנגה יהא זינה. בין שטעלת לו לאדם מאghostוי בין שאן חועלת לו מאghostוי, יהא זינה ספק אם העילו לו. לכך מניה אני את הטפק וחומר דבר שאן כל ספק גובל עליו. בימה דברים אמורים, שחושב לעשות את המזגה לשם מצחה, ואילו כאן צבוזה התוליה בדבר היהת.

שיהה לבו משך אחר ההלך, כדאם שיש לו גענעם מהמת אהבותו. קדום שהאייר היום עמד יהא זינה ממשטת ההלך בבית המדרש לעשות את מלואכתו. רבדים שהיו לו לעשות במזאי שבת ולא עשם מהמת צערו ההלך לששתם עם קימת היום.

בא לו לבית המדרש וסילק את המסתה שחד פדרות מערב שבת החילוי את הסדרות של שבת בפורוכת של חול והויבט את הגנות והוסט' שמן לנדר החטיל ון לברותיהם של הנפטרים של בעלי איר齊יטים, שפתאות מתהווא לו לנדר שכוה לעצום את עינו בעוד יומ', בזום שבעל האיר齊יטים מזרע בבית המדרש וחושד את השם שללא נחן בו שטן דרי' דרכו. לאוד שעה את מלאכחו נסחכל במעשיך שטאן הניה רבר שבת לו לעשות ולא עסאן, שהעלם מלא תרעומת.

כמה כמה אתה מדריך ערין לא' יציא יהוד' חותט. בתוך כך האיד הים וגאנטם המתפללים לבית המדרש לחטיליה, לאחר עליית הקיש יהודים ובבעל איר齊יטים את התיבה משלשת זדריה ואמרו קריש ובתוכם יהא זינה. יהודים מהמת אבלם, בעלי איר齊יטים מהמת יאר齊יטים, יהא זינה מהמת שכרחו לומר קריש. לאחר כל הקרישים חוויה דרומתאות אג'ל ההלך היה תמה. אין לך מי שמכיר סיבט של אורחים פורדים כמשי בחו' מדירות שחוופים בהרף עין טיבו של אורח פרדה, ואילו לבני ההלך והנסתמה רעטו של יהא זינה ונתקשה מלעומד על טיביו. הלה הוא כשר כל אורחים פורדים ממשטטים במונייה אבל שתה הוא מהם, כל דבר ודבר שב מוציאו מהתקם של מהורי פחדום. אמר יהא זינה, אלך ואדראה מה שם בתיבה שנגנית ההלך. סגר את הספר עמד והלך.

יצא מבית המדרש ופנה לפתח שבגדר המרחץ שם הניח ההלך את החיבה. עם שיטול יהא זינה בא לו ההלך אג'ל תיבתו. הביט עליון יתמה וגאנטער עליון שטאן שהו תלויים לו בורונו. סבור היה יהא זינה שימושם אונטם ההלך כדי ליקח לו דבר של אוכל, או שבא עליון גבר אלים ונטלם ממנה בורונו. והוא לא דע שגאנטם לעבי, שאן לך עני שאן עני גודל מכם. והרי אמרו לעולם ימכווד אדם כל מה שטש לו רק בגעלים לדגלין, יבא וה שאן עמו אלא צביוו וומילא אין לו מה למכווד.

1

Между Старой синагогой и Новой, рядом с той дверью, что напротив купальни, стоит небольшой деревянный ларец. Такого ларца не видывали ни мы, ни наши предки. Меняются поколения, а все стоит этот удивительный ларец, и ни воры его не украли, ни любопытные руки не сдвинули его с места. Чей же он? Кто оставил его здесь? Об этом, пожалуй, стоит рассказать.

В нашем городе, когда нанимали на работу служку, выдвигали условие: для тех суббот, когда читают главы Торы с перечислением проклятий, обязуется он найти человека, который согласен прочесть эти проклятья. А не найдет – прочесть должен будет он сам. При этом, однако, отмечали, что с тех пор, как стоит Бучач, еще не приходилось служке стоять под градом этих проклятий, ибо нет такого служки, который не смог бы найти нищего, готового за деньги занять его место, ведь нищие всегда рады разжиться хоть чем-нибудь. Однажды случилось так, что пришло время читать главу «Когда ты придешь», а служка Новой синагоги все еще не нашел нужного человека. Неужели перевелись на земле все нищие?

Вот как было дело. Когда прошло больше половины недели, служка начал беспокоиться, как бы не пришлось ему самому взойти к чтению этой главы о проклятиях. И было ему из-за чего беспокоиться, ведь все люди грешны: богатый – в меру своего богатства, а бедный – в меру своей бедности. Если грешат даже богатые, те, у кого нет недостатка ни в чем, то тем более – бедные, у которых нет ничего, кроме их бедности, как у нашего незадачливого служки. Как-то выдался такой холодный год, что его малыши заболели. Пожалел он их, взял немного дровишек в синагоге и затопил ими печь в своем доме. В другой раз, когда пришла Ханука и не было у него масла для ханукального светильника, пришлось ему взять масло из синагоги. Дрова и масло, предназначенные для учения и молитвы, употребил он для себя.

Бог терпелив, Он не торопится взимать плату за зло. Другое дело человек. Жила тогда в городе одна бедная женщина. Муж ее умер и не оставил ей ничего, кроме маленького сына, единственного ее утешения. Но вскоре, видно, отец затосковал по сыну и взял его к себе. Как-то ночью явился мальчик своей матери во сне, тихий и грустный.

– Что, сынок, – сказала она, – разве плохо тебе с отцом?

– Мне было бы хорошо, – ответил ей сын, – если бы здесь, в вашем мире, кто-нибудь замолвил хоть словечко за упокой моей души.

– Сынок, сердечко мое, – вскричала мать в ужасе, – что ты такое говоришь? Разве не наняла я служку Новой синагоги, чтобы он три раза в день каждый день читал за упокой твоей души поминальную молитву и Мишну с комментарием? Разве не продала я ради этого тот платок, что твой отец подарил мне на твое рождение, а ты говоришь мне: было бы хорошо, чтобы хоть одно слово было сказано за упокой моей души!

На следующий день пошла она проследить за служкой. И видит: сидит он перед Мишной, положил голову на книгу и спит. Узнала она, что не читает он поминальной молитвы по ее сыну, а вместо этого нанялся читать молитвы на несколько годовщин. Ее сердце наполнилось гневом, и она обрушила на него всю ярость главы проклятий. Служка знал, какую силу имеет проклятие вдовы, и ему стало не по себе, когда он подумал, что, если не найдется ему замена, должен будет он сам взойти к Торе и на его голову снова посыпятся вдовьи проклятия. В четверг, не найдя никого, он совсем впал в отчаяние, забыв, что иногда пророчество с легкостью отводит от нас беду в самый последний момент.

2

Когда вышел последний молящийся, служка открыл Мишну. Многие вдовы и сироты платили ему за чтение Мишны в честь их умерших родственников. Кто мог, добавлял пару монет за чтение Мишны с комментариями; кто не мог, полагался на милосердие Всеышнего, который, уж конечно, не оставит покойного, даже если какая-то глава Мишны будет прочитана без коммен-

тариев. Служка не был большим знатоком Торы, а тем более Мишны, требующей острого ума, чтобы находить тайное в явном. И все же, если человек годами сидит в синагоге, а просиживать дни напролет без дела нету сил, он открывает книгу. Вот сидит он перед книгой, а буквы сами взлетают и вплываются к нему в глаза. И если Бог даст, то буквы сами сложатся в слова, а слова – в смысл. И служка завел привычку сидеть перед книгой Мишны. Чтение ее благотворно для души, ведь в слове Мишна те же буквы, что и в слове душа – Нешама. Он выбрал двадцать две главы, по числу букв алфавита, и каждый день складывал их по буквам имен умерших, за которых он брал плату. Скажем, если имя умершего было Аврум, то главы подбирались так: букве «А» соответствовала глава «А вот четыре вида ущерба», букве «В» – глава «В чем надлежит выходить женщине», букве «Р» – глава «Рабби Элиэзер говорит об обрезании», букве «У» – глава «Уехал муж с другой женой в заморские страны», букве «М» – глава «Молитвы скорбящих». Так же складывались главы по буквам имени отца умершего и по буквам слова «душа». И так же поступал служка с женскими именами. Каждый день он сидел и повторял главы Мишны по именам тех умерших, за которых взял он плату.

В тот день не одолел он ни одной главы, как будто уже пробил час и все спящие во прахе восстали из могил и не ждут больше чтения Мишны за упокой своих душ. Служка сидел и размышлял о своих поступках. И вот его проступки стали казаться ему ошибками, а ошибки – пустяками. Как будто грешки, совершенные намеренно, были оплошностями, а на свои оплошности стал он смотреть с удивлением, как бы вопрошая: неужели ты и это заметил? И все же его мучило раскаяние.

3

Дверь отворилась, и вошел бродяга.

Шляпа мятая, одежда – заплата на заплате, башмаки висят на плече, и весь он – нищий из нищих, такой, у которого нет ничего за душой, кроме его нищеты.

Служке показалось вдруг, что он видит отца того самого умершего мальчика. В действительности не было между ними ничего общего: бедность одного глубоко склонила в его одежде, нищета же другого кричала из каждой заплаты.

Но служка, в чьих ушах звенело до сих пор проклятие вдовы, вспомнил о ее умершем муже и вообразил было, что видит его.

Бродяга похлопал служку по плечу, как это делают проходимцы, заискивая, хватая за руки и тиская брюхо.

– Что с тобой, дорогой мой, – сказал он при этом, – чего грустишь? Мы, слава Богу, евреи, а еврей всегда и везде должен радоваться, что он еврей. Твое лицо так мрачно! Неужели ты забыл, не дай Бог, что ты еврей?

Служка сердито глянул на бродягу и хотел было выгнать его взашей из синагоги, но вдруг подумал: «Погоди-ка, иногда и такой человек может пригодиться». Его лицо просветлело, он гостеприимно протянул незнакомцу руку и ответил:

– Ты хочешь знать, отчего я грущу? Что ж, я тебе расскажу. Да ты садись, не стой, ты, видно, устал с дороги; ты, чай, не в карете сюда пожаловал. Садись, садись, приятель. Вот сюда садись, на эту скамеечку. Э-хе-хе, скамеечка-то эта принадлежит таким важным господам, что мы с тобой, приятель, были бы рады, если бы у нас было столько квашеных кабачков, сколько у них золотых монет. Теперь, когда ты сидишь, я тебе отвечу. Ты спрашиваешь, чего я грущу? Скажу тебе все по правде, как другу. Хотя я вижу тебя первый раз в жизни, у меня такое чувство, будто мы вышли из одного чрева, будто мы близнецы. Без лишних приготовлений начну с главного. В эту субботу читают главу «Когда ты придешь», а в ней – проклятия. Сегодня уже четверг, а я еще не нашел того, кто взойдет к Торе, и если не найду, то придется – мне. Думаю, ты меня понимаешь, приятель.

Поглядел на него бродяга и сказал:

— Что ты такое говоришь, дорогой мой? Разве может еврей огорчаться из-за того, что ему выпала честь взойти к Торе? Напротив, всякий от радости стал бы раздавать милостыню направо и налево. А ты боишься, что тебя вызовут к Торе?! Не сердись, но я не настолько глуп, чтобы поверить в это. Если бы не твоя борода и пейсы, я бы подумал, что ты просто шут.

Удивился служка: ему говорят о проклятиях, а он заладил: это большая честь – взойти к Торе.

Так бестолковая деревенщина берет петуха для ритуала искупления и произносит при этом благословение «Да будет благословен сотворивший человека с мудростью».

Служка уже жалел о каждом слове, потраченном на этого бродягу, и уже готов был развернуться и бросить его, но сердце что-то подсказывало ему и почему-то при этом цитировало Мишну: «У каждого человека есть свой час, и у каждой вещи – свое место».

– Не много же ты преуспел в Торе. Что ж, не всем везет, – сказал он бродяге, – вот почему не видишь ты разницы между главами с проклятиями и другими главами.

Глаза бродяги засмеялись, и он сказал служке:

– За кого ты меня принимаешь, друг мой, за невежду? Хочешь, я прочту тебе проклятия из главы «Если по уставам Моим» и из главы «Когда ты придешь», и ты увидишь, что я не совсем безнадежный неуч.

– Замолчи! – закричал на него служка. – Закрой рот!

Но бродяга сказал ему:

– Дорогой мой, у тебя что, уши заложило? Я ведь хотел прочесть тебе слова Бога живого, а ты... Уж не обессудь, когда бы не было грехом подозревать в чем еврея, я бы решил, что ты отклоняешь ухо свое от слова Торы. Вся Тора – это добро, благословение и жизнь, а ты боишься, что тебя призовут к чтению проклятий. Тебе бы радоваться, что будешь ты стоять рядом с чтецом Торы и услышишь каждое шепотом произнесенное слово. Не будь мы с тобой в святом месте, я бы сказал, что ты смеешься надо мной. Ты боишься, что тебя призовут к речению о проклятиях, речению, сказанному Богом устами Моисея!

«У этого бродяги ума-то не палата, – подумал служка, – зато хороший характер. Если я его прошу, может, он и выйдет к чтению Торы вместо меня. Напрасно я тревожился. Теперь мне не о чем беспокоиться, разве только о том, что я беспокоился прежде. И все же это как-то странно: он знает обе главы о проклятиях, но не понимает их сути».

4

– Ты, конечно, прав, приятель, – сказал служка бродяге, изображая полнейшую невинность, – все главы Торы святы, и всех их мы любим одинаково; вот только каждый любит их по-своему. Один любит взойти к Торе третьим по очереди, потому что в раю Авраам читает Тору третьим; ведь Аарон – коэн и поэтому восходит первым, а Моисей – левит, и потому он – второй. Иные же любят мафтир, кто из-за благословений Пророков, а кто – чтобы голос показать. И еще есть всякие людишки, те, что зовут себя хасидами, так они рвутся к чтению Торы шестыми! Вот и не удивляйся теперь, что такой человек, как я, решил дать другому взойти к Торе вместо себя.

Скажи-ка лучше вот что, приятель, – продолжал служка, – что касается благословений на чтение Торы, то я знаю людей, которые спорят да философствуют выше крыши, а когда нужно произнести благословение на Тору, они одну его половину глотают, а другую икают, потому что просто не знают благословения. Цорва ме-рабанан,¹ а при этом полнейшие невежды. Ты не обижайся, я только хотел тебя спросить. Лишний вопрос не грех. Скажи мне, приятель, ты знаешь благословение на чтение Торы?

Поглядел на него бродяга и сказал:

¹ Цорва ме-рабанан (*арамейский*) – буквально: обожженный мудрецами; начинающий ученик, еще не достигший уровня мудрецов, либо человек, вращающийся в обществе мудрецов.

— Да разве найдется такой еврей, который не знает? Если человек знает благословения на пищу и питье, которые лишь мгновение и прах, то тем более — на Тору, источник нашей жизни и долгоденствия. Если хочешь, я прочту тебе.

— Нет, просто так не произносят благословения, — сказал служка, — в них есть святые Имена, которые нельзя произносить понапрасну. Я и так вижу, что ты их знаешь. Как умножились грехи наши, так умножились и невежды, которые не могут ни одного благословения произнести как следует. Вот у меня был случай: один жених в субботу, во время семидневного свадебного пира, вышел читать Тору; так если бы я не стал стучать по столу, как будто призывая народ перестать болтать, то все бы услышали, что он не знает благословений!

Бродяга вздохнул:

— Наверное, он из бедной семьи, и у его родителей не было средств на его обучение.

— Да какой бедный, — ответил служка, — дай Бог, чтобы у нас с тобой по субботам и праздникам было то, что он лопает по понедельникам и четвергам! Кто не учит Тору от бедности, а кто — от богатства. Жених тот был из богатой семьи. Если бы я его не выручил, они бы провалились от стыда сквозь землю. И что я получил за это? Несколько затертых медяков.

Пока служка разговаривал с бродягой, сердце ему шептало: «Не сказки надо сказывать, а дело делать». Он по-дружески положил руку на плечо незнакомца и сказал:

— Пойдем ко мне, приятель, позавтракаем. Я думаю, у меня найдется редька, и несколько луковиц и кабачков, и, может быть, немного кислого молока. Ряженка для сердечка — что для волка овечка. Говоря по-простому, молочко кислое сердце напоит, кто его выпьет — не знает боли.

Сказал бродяга:

— Не нужно.

— Что не нужно? Кушать не нужно? Это что-то новое.

— Не стой.

— Что не стоит, кушать? Как там сказано в Писании: я был молод и состарился, но ни разу не видел человека праведного настолько, чтобы тот не хотел есть.

— Когда у тебя краюха в котомке, зачем беспокоить других?

— И где же твоя котомка и твоя краюха?

— Я их в ларце оставил.

— В ларце? Так у тебя есть ларец? Значит, ты не с пустыми руками сюда пришел. Только где же он, твой ларец? Нет здесь никакого ларца.

— Я его в сенях оставил.

«Зачем я с ним препираюсь? — подумал служка. — Довольно мне и того, что вовремя подвернулся человечек для проклятий. Только бы не случилось со мной того, что случилось с тем служкой, который семь дней откармливал у себя нищего, а за пару стихов до начала проклятий гостюшка взял да и упорхнул».

Стараясь его увлечь, служка стал рассказывать бродяге о разных знатных господах и о том, насколько богат этот, и насколько богат тот, и сколько этот дал приданого своей дочери, и сколько тот потратил на атtestат ста раввинов для своего сына.

Сказал странник:

— Если бы я не торопился, я бы изрешетил свои уши, чтобы тебя послушать.

— А куда ты торопишься?

— В Переволоку.

— И что там?

— В Переволоке у одного человека сын родился.

— Ну и что, что сын родился?

— Я хочу поспеть к обрезанию.

— Если ты хочешь выпить, так у меня дома полная бутыль, а если поесть — так в Бучаче простая лепешка лучше всех пирогов на свете. Рабби Захария, сын Рабби Лейбуша, предводителя, да упокоятся они в раю, поехал однажды к своему тестю в Подгайцы. Когда он вернулся, его почтенная матушка спрашивает: «Чем же тебя теща кормила?» Он ей и отвечает: «Во все это время не переводились самые изысканные яства на столе, но все они не стоят и простых лепешек, что печет жена нашего служки». И ты знаешь, приятель, кто это такая? Моя бабушка! И моя мать, пухом ей земля, переняла это умение, и моя жена. Пойдем ко мне, благословим Всевышнего за хлеб за соль.

— Твои слова милей мне всех разносолов на свете. Однако я спешу: хочу попасть в Переволоку засветло, чтобы услышать, как дети читают молитву «Шма Исраэль» перед роженицей.

Засмеялся служка и сказал:

— Вот так диво — молитва деревенских детишек. Если ты хочешь услышать, как дети читают «Шма Исраэль», дождись вечерней молитвы, и ты услышишь не только «Шма Исраэль», но и поминальную молитву. Так грешен наш век, что многие умирают молодыми, оставляя маленьких сирот. О чем ты вздыхаешь? Об умерших евреях? Что ж, об этом не грех и повздыхать, только теперь ты видишь сам, что незачем тебе шататься по деревням в поисках родного слова. Я не погрешу против правды, когда скажу, что эти, в деревнях, как быки на полях, половина — невежды толоконные, половина — гои полные. Ну, родился ребенок в деревне, так что? Элиягу тебе там не встретится.

Улыбнулся странник и промолчал. А служка продолжал:

— Вот и башмаки твои... Сомневаюсь я, дойдут ли они до деревни-то. Бери свой ларец, и пошли со мной. Зачем тебе оставлять его на улице, если можно положить его у меня дома. Не то чтобы здесь были воры, просто руки у людей уж больно хватки: чего ни увидят, враз хватают. Если он тяжелый, я тебе подсоблю.

Рассмеялся странник и сказал:

— Он легкий, как бедняцкий каftан зимой. Ну а если его и тронет кто, невелика беда.

Служка порылся в карманах и вытащил монету:

— Вот, возьми.

— Что это?

— Деньги.

— На что мне деньги?

— Если захочешь стаканчик вина или фруктов, будет чем заплатить.

— Евреи милосердны: если замучает голод, кто-нибудь да накормит, если жажды — напьюсь из родника или колодца.

— С копейкой в руке никогда не пропадешь.

— С копейкой в руке мне придется ходить со сжатым кулаком, и все подумают, что я ростовщик. Получится, что из-за меня люди станут думать о евреях недобroе, да и на себя накликаю беду.

Служка понял, что уговоры напрасны, и понадеялся на Всевышнего: как Он послал ему сегодня этого бродягу, так Он и вернет его в субботу к самому сроку. На всякий случай, решив опередить провидение, служка спросил его, когда он вернется, и получил ответ:

— Если Бог даст, к субботе.

Служка видел, что он не врет. И все же он побаивался, что его нищий может попасть в другую синагогу, и там уж его, конечно, затащат на чтение проклятий. Вот в прежние времена было хорошо: тогда весь город молился в одной синагоге... А теперь, когда в городе пять синагог, приходится опасаться, как бы не выхватили бродягу у него из рук. На самом деле в те времена в Бучаче было шесть синагог, но шестую, хасидскую, служка Йоэль-Йона синагогой не считал.

Пока служка тосковал о безвозвратно минувших стародавних временах, странник ушел на церемонию обрезания.

5

Настало время встречи субботы, а бродяга не вернулся. Не вернулся он и после наступления темноты. Служка начинал беспокоиться, но отчаяваться было еще рано. «Если он не пришел на молитву, – уговаривал он себя, – придет после молитвы. Я же сам ему сказал, что у нас есть немало знатных господ, а нищие всегда тянутся к столам богачей». Но когда закончилась вечерняя молитва и нищие окружили служку, прося пристроить их к хозяйственным домам, странника среди них не было.

Тревога все больше охватывала служку. «Завтра, завтра...» – повторял он себе на грани отчаяния. Служка скучал по нему, и злился на него, и отчитывал его всю ночь: «А как же твое обещание? Ведь ты же сказал, что придешь!» Но бродяга не появился и после утренней молитвы, и, когда стали вынимать свиток Торы, Йоэль-Йона начал готовиться к худшему.

Свиток достали и положили на стол. Габай стал распределять очереди, а служка встал у него за спиной, на всякий случай; например, на тот случай, если кого-то вызывают к Торе не тем же именем, которым его зовут на рынке; или если распорядитель забудет имя отца того, чья очередь читать; вот тогда он и посыает служку спросить.

А служка стоял, и перед ним один за другим поднимались люди к Торе, и вот уже прошел четвертый, и пропала последняя надежда. Он уже больше не поднимал глаз на дверь в ожидании увидеть в ней его бродягу, и готовился взойти к Торе шестым и услышать отрывок главы, в котором и звучат проклятия. Бродяга уже не придет, закрылись все врата надежды.

И вдруг служка почувствовал, что он здесь. Йоэль-Йона не смотрел на дверь и не слышал, как она отворилась, но точно знал, что бродяга стоит у двери. Как это произошло, служка не знал, да и нам это неведомо.

Он боялся поднять глаза на дверь: а что, если ему показалось, даже наверняка показалось. И тут бродяга появился прямо перед ним, лицом к лицу. Служка увидел его чистое, невинное лицо и подумал: «Он не станет юлить, он сдержит обещание». В одно мгновение в голове у него пронеслось все то, что он за многие годы узнал о заповеди держать слово. «Изреченное устами твоими соблюдай», – так гласит Тора, а то, что сказано в Торе, все евреи обязаны выполнять. Остерегайся даже тени сомнения: если еврей дал слово, будь уверен, что он сдержит его. Этим и вера укрепляется: человек видит, что ему доверяют, – и выполняет свое обещание. И если евреи доверяют друг другу на земле, то им доверяют и на небе. И исполняется все то, что им было обещано.

Умиляясь, служка подошел к страннику и ласково его спросил:

– Как твое имя?

Тот сказал ему свое имя.

– А как имя твоего отца? – спросил снова служка.

Странник сказал ему имя своего отца.

– Ты знаешь, мой дорогой, для чего я спрашиваю тебя о твоем имени и об имени твоего отца? – сказал служка. – Я собираюсь пригласить тебя к Торе, как приглашают уважаемого гостя.

Но странник ответил:

– К сожалению, ты опоздал! Сколько радости, сколько удовольствия ты бы мне доставил, если бы пригласил меня чуть-чуть раньше.

– А какая тебе разница, раньше или позже? Чем пятая часть нехороша? Разве она не одна из семи? – схитрил служка, назвав шестую часть, часть о проклятиях, пятой.

Сказал ему странник:

— Дорогой мой, ты хочешь вызвать меня шестым к Торе, но дело в том, что я — коэн, а коэн идет первым.

Служка рассвирепел, его глаза сверкнули так, что, казалось, сожгли бы бродягу, если бы только могли. А бродяга, засунув руки за пояс и смеясь одними глазами, сказал:

— Не стоит сердиться, мой дорогой, не губи своей радости, своей субботы. Все до единого слова Торы — это любовь и милость, добро и благословение. Поспеши же, взойди к Торе, не заставляй ее себя ждать. Вот и габай уже сердится, что ты задерживаешь чтение.

Йоэль-Йона так посмотрел на него, что едва не испепелил взглядом.

Взгляд странника, полный любви, ласково обнял его. И тут сердце служки скжалось и наполнилось любовью. Его гнев улетучился, и вслед за любовью в его сердце проникла радость.

Он подошел к Торе и, коснувшись древка Свитка, произнес благословение, да с такой радостью, словно перед ним была глава «И вот благословение».

От его радости радостью наполнился весь дом молитвы, и от этого удвоилась радость Йоэль-Йоны. Такова настоящая радость: она растет, и множится, и увлекает за собой других.

6

После молитвы Йоэль-Йона подошел было к скамейке для бедняков, чтобы пригласить бродягу на обед, но не нашел его. Он решил, что его опередили. Некоторые хозяева, боясь остаться на субботней трапезе без гостей, спешат первыми схватить нищего и затащить к себе.

Поняв, что ничего не поделаешь, Йоэль-Йона сказал себе словами странника: «Не губи своей радости, своей субботы». Что сделано, то сделано. Он вернулся домой, произнес Кидуш, омыл руки, сказал благословление на хлеб и перешел к песнопениям. Служке вспомнился необычно приятный голос странника, и он сказал:

— Будь он здесь, мы бы услышали новые мелодии субботних песнопений.

Вспомнив о бродяге, Йоэль-Йона стал говорить о нем со своей женой:

— Появляется какой-то залетный гость и всю душу мне выворачивает наизнанку. Ты помнишь, Браха-Гитл, сколько я хлопотал да суетился каждый год, чтобы найти себе сменщика на главу проклятий? Теперь жалею: а ведь мог бы все эти годы участвовать в чтении Торы. Умножающий годы умножает знание. И еще находятся люди, которые считают себя умнее своих отцов. Не умны они, а глупы. А что до гостя, если я не успел пригласить его на обед, то приглашу на ужин.

Однако эта мысль утешила его недолго, ибо вечерняя трапеза — не дневная, в которой есть Кидуш на вино, и к которой приступают, будучи изрядно голодными, и в которой, кроме пирога, бывает много других изысканных кушаний. Как говорится, по гостю и каравай. Совсем не то вечерняя трапеза: за стол садятся сытыми, только для порядка, да и едят, только чтобы произнести благословения — на хлеб и на пищу.

Сидел Йоэль-Йона и недоумевал: простой нищий бродяга, а сердце рвется снова его увидеть. Хотя люди тоскуют иногда друг по другу, никто не знает, откуда берется тоска. Если причина в нем, то почему я раньше не тосковал по нему? Но ведь теперь я другой, потому что узнал его, значит, дело не в нем, а во мне. Но если так, то почему я узнал его только сейчас? Так или иначе, не стоит тратить время на лукавые мудрствования, когда перед тобой субботние блюда.

Йоэль-Йона отогнал эти странные мысли и приступил к обеду, в котором были и халы, и сли-вовица, и разные лакомства. Он не остался неблагодарен и, не скучая, нахваливал свою жену за каждое блюдо, однако всякий раз он приговаривал:

— Вот если бы с нами обедал наш гость, то было бы еще лучше.

— Если так, то давай оставим для него от каждого кушанья, и он сможет отведать их вместе с тобой во время третьей трапезы.

— В самом деле, — сказал он, — отличный совет, и как это я раньше не додумался. Верно, я об этом думал, да от волнения позабыл. Да, я его приглашу на третью трапезу. Велики деяния Го-

спода, дозволяющего человеку в любое время исправить свои поступки. Что не удалось в этот раз, получится в другой, – заключил он, готовясь начать песнопения.

Когда трапеза была закончена, Йоэль-Йона стал произносить благословения, а Браха-Гитл сидела и ловила каждое его слово и всякий раз отвечала «Амен».

Потом Йоэль-Йона встал из-за стола и лег на кровать, чтобы насладиться субботним послеобеденным сном. Как говорят люди, сведущие в знамениях, слово СУББОТА можно истолковывать так: Сном Удовольствия без Боли и Бед Одарят Тебя Ангелы. И правда, субботний сон – это истинное удовольствие. В будние дни лежит человек на кровати, а его мыслям нет покоя от дел и забот. Другое дело в субботу, когда не может быть ничего лучше, чем сон ради заповеди субботнего отдыха.

Йоэль-Йона лежал и представлял себе, как за столом сидит его бродяга и ест, и пьет, и наслаждается, как может бедняк наслаждаться только в гостях у бедняка. Богач всегда сыт, и потому не станет он много есть и даже подумает: вот я богат и мой стол всегда полон, однако же я довольствуюсь малым; тот же, кто беден, наверное, ест еще меньше. И что же ждет этого бедняка? Он остается голодным.

Только бедняк понимает бедняка и знает, что он голоден всегда, и когда он принимает его в гостях, то старается во что бы то ни стало насытить душу всем тем, чем и тело насыщается, а уж душа насладится вместе с телом непременно.

Так лежал Йоэль-Йона и представлял себе, будто странник сидит за его столом, который ломится от яств Брахи-Гитл. Шесть дней в неделю пуста тарелка служки, но она всегда наполняется в субботу, иногда по милости Всевышнего, который подсовывает ему монетку, а иногда по мудрости Брахи-Гитл, которая берет кучу костей и превращает ее в мясное кушанье, также по мудрости Всевышнего. Ни благословений, ни молитв не знает она, кроме одной коротенькой молитвы на идише: «Создатель всех созданий, Тебе одному хочу я служить истинно». И вот дал ей Бог разума приготовлять лакомые кушанья на радость мужа.

Явился к Йоэлю-Йоне Властелин снов и сделал то, что не смогла сделать Браха-Гитл. Простую бедняцкую еду приготовила ему жена, а пришел Властелин снов – и превратил ее в царские яства. Кость, на которой не было мяса и с оливку, превратилась в жареных голубей. «Голуби, голуби», – облизываясь, пробормотал он одними губами. И если бы он не проснулся от влюбленного воркования голубей на окне, то та каша, что приготовила ему жена на субботнюю трапезу, наверняка превратилась бы в лапшу в индюшином соусе.

Великий кудесник он, Властелин снов; даже начальник поваров фараона, который умел вместить шестьдесят вкусов в одно блюдо, рядом с ним только подмастерье.

Йоэль-Йона проснулся, омыл руки и встал с кровати. Жена принесла ему полный кувшин фруктового компота, остуженного с субботнего вечера в бочке с холодной водой. Он благословил, и выпил, и снова благословил, и засобирался в синагогу. Выходя, он сказал жене:

– Ну что ж, Браха-Гитл, сразу после дневной молитвы я вернусь с гостем.

– Не волнуйся, – ответила она, – обещаю, он не уйдет из нашего дома голодным, да и ты будешь сыт.

7

Когда служка пришел в синагогу, он уселся на свое место у печи. Своя рубашка ближе к телу, и поэтому он начал с того, что произнес главу из «Речений Отцов», чтобы, прежде всего, его долг по чтению Мишны был на сегодня выполнен. Он также решил прочесть, если останется время, несколько глав Мишны за упокой душ умерших, за которых он взял плату. С тех самых пор, как случилась эта история с мальчиком, поведавшим матери, что ни одного еврейского слова не было сказано в этом мире за упокой его души, – с того самого дня Йоэль-Йона старался, чтобы ни один день не проходил без чтения глав Мишны.

Он сидел и читал, но, слетая с его уст, слова уносились прочь. Он смотрел не столько в книгу, сколько на дверь, ожидая, не появится ли в ней бродяга. Но бродяга не появился. «Не губи свою радость, свою субботу», – вяло и мрачно повторил Йоэль-Йона слова бродяги, которые тот произносил весело и радостно.

К чему останавливаться на этом гнетущем душу мгновении? Не явился бродяга и после полудня – ни к чтению Торы, ни к молитве. Йоэль-Йона снова промямлил слова, сказанные ему бродягой. Однако их звонкая радость отзывалась на устах служки жалким бормотанием. «Если он не пришел к дневной молитве, – думал Йоэль-Йона, стараясь не отчаиваться, – то придет к вечерней; если он не попал ко мне на третью трапезу, то попадет на трапезу Проводы Царицы Субботы». Что придавало ему силы и удерживало от отчаяния? Что же, как не славные кушанья, оставленные им на последнюю трапезу.

Когда не везет, то и гость не идет. Уже вышла суббота, миновала вечерняя молитва, а бродяга так и не пришел. Где он был на вечерней молитве? Да там же, где и на дневной. Разве мало синагог в Бучаче? Когда-то весь Бучач помещался в одной синагоге, а сегодня их пять, а если считать и хасидскую молельню, то и все шесть.

Йоэль-Йона поплелся домой один, без странника. Он совершил Авдалу и исполнил песнопения в честь окончания субботы. Его голос никогда не был мелодичным, но тот голос, которым произносил он в этот раз субботние песнопения, больше подошел бы для похорон. И так он был удручен тем, что бродяга не вернулся, что ничего не изменилось в его голосе, даже когда он упомянул пророка Элиягу, которого евреи поминают с радостью, тоской и надеждой, что придет он скоро, а вместе с ним – и Мессия из дома Давида. Не станем задерживаться на всех вздохах Йоэля-Йоны. Есть ли человеку польза от вздохов его, нет ли, Йоэлю-Йоне они вряд ли помогли. А посему, оставив сомнения в стороне, скажу только то, в чем нет никакого сомнения: если задумал человек исполнить заповедь, но, по принуждению обстоятельств, не смог, все равно считается, что он ее исполнил. Так говорят, если собирался он исполнить заповедь ради нее самой. Но сердце службы тянулось не к самой заповеди, а к страннику, как у человека, тоскующего от любви.

Еще затемно поднялся Йоэль-Йона с постели и пошел в синагогу доделывать то, что не сделал он с вечера из-за своих переживаний. Убрал скатерти, разостленные с начала субботы, сменил субботнюю завесу Торы на будничную, поправил свечи, долил масла в неугасимый светильник, а также в свечи, зажженные в память об умерших и в честь годовщин, – как бы какой-нибудь свече не вздумалось вдруг закрыть свой глаз прямо переди дня, да еще когда родственник умершего находится в синагоге и, конечно, подозревает служку, что тот не долил в свечу масла. Завершив свои дела, еще раз оглядел все вокруг, чтобы убедиться, что ничего не забыл. В мире столько злости, что, сколько ни старайся, упреков не избежать.

Тем временем рассвело, и люди стали собираться на молитву. После молитвы «Алейну» сироты и те, кто отмечают годовщину смерти своих родных, окружили ковчег Торы, и Йоэль-Йона вместе с ними. Они произнесли поминальную молитву: сироты – в знак их траура, остальные – в честь годовщин, а Йоэль-Йона – ради тех, кто его нанял. После всех поминовений вдруг вспомнил о страннике и удивился: никто не знает этих залетных гостей лучше, чем службы синагог, которые мигом смекают их суть, но этот бродяга... Никак не мог Йоэль-Йона раскусить его. Бродяга он, такой же, как и все прочие бродяги, что ходят по стране; но и не такой, все в нем отличает его от обивающих пороги оборванцев. «Пойду-ка посмотрю, что там в ларце, который он оставил», – подумал Йоэль-Йона, закрыл книгу, поднялся и направился к выходу.

Он вышел из синагоги и повернулся к тому входу напротив купальни, где оставил странник свой ларец. Йоэль-Йона столкнулся с ним прямо возле ларца. Он оглядел странника и огорчился: башмаки, висевшие прежде на его плече, исчезли. Ему подумалось, что странник мог отдать их

в заклад, чтобы купить себе еды; или, может, какой-нибудь злодей отнял их у него. Откуда ему было знать, что странник отдал их нищему, ибо всякому бедняку может встретиться тот, кто беднее его. Ведь сказано: и продаст человек все, что есть у него, и купит себе башмаки. Но есть те, у кого нет ничего, кроме их бедности, и которым уже нечего продавать.

Они стояли друг против друга, один – подле своего ларца, а другой – медлил, молчал и ждал.

Наконец служка не выдержал и хотел уже было что-то сказать, но тут странник открыл ларец, достал из него какой-то предмет, спрятал его в складках одежды, где-то на груди, закрыл ларец и, ласково поглядев на служку, развернулся и ушел.

Йоэль-Йона очнулся, как ото сна. Он протер руками глаза и посмотрел страннику вслед. Тот неторопливо удалялся прочь. Йоэль-Йона сорвался с места и пошел за ним.

Когда он догнал его, странник остановился и, слегка наклонив голову, поглядел на служку:

– Ты хочешь мне что-то сказать, мой дорогой? Говори, говори.

Йоэль-Йона хотел было заговорить, но не смог раскрыть рта и не сказал ничего.

«Если я не заговорю с ним сейчас, – подумал служка, – то он уйдет, а если он уйдет, то все мои старания напрасны. Ну что же делать, нет сил и слова выговорить. Господи, помоги мне, – поднял он глаза к небу, – иначе все пропало!»

Всевышний увидел, в какой он беде, сжался и вернул ему дар речи, как сказано: «Кто дал уста немому?!»

– Ты оставил свой ларец, – сказал Йоэль-Йона.

– Пускай себе стоит, – махнул рукой странник.

– Долго?

Странник посмотрел на него, улыбнулся и произнес:

– Пока не придет Элиягу.

И тут вдруг служка понял все.

– Так ведь ты – Элиягу! – воскликнул он.

Странник улыбнулся и исчез.

Велик Бучач. Здесь служка удостоился увидеть наяву то, что великие праведники мечтают увидеть во сне, и не каждому это удается.

Если бы он был служкою в Старой синагоге, известной усердием в Торе молящихся в ней, и благодаря этому досталась бы слава и ему... Но он служил в Новой синагоге, где большая часть молящихся были хозяева, скорее занятые своим хозяйством, чем Торой, хотя, конечно, и их дела были преисполнены веры.

Так завершается эта история о том, чей ларец стоит в сенях нашей синагоги. Вы спросите: для чего такому страннику ларец и если он ему нужен, то почему он его оставил? На эти вопросы нечего ответить, только одним словом: ТУПИК, что можно истолковать так: Тишби Управится с Проблемами И Каверзами. Вы также спросите: какой это предмет достал странник из ларца? Некоторые верят, что это был шофар и что перед приходом Мессии взойдет Элиягу на Масличную гору и затрубит в свой шофар. И зазвучит глас его по всему свету от края до края, от глубин вселенной и до оснований земли. И услышит Народ Израиля, где бы он ни был, и соберутся все изгнанные, и придут в Иерусалим. Да случится это в скором времени, в наши дни, амен.

(Перевод Романа Кацмана)